

С. В. Лобачев

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
Москва — 1951

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
ВСЕАРМЕЙСКОГО ВОЕННО-ОХОТНИЧЬЕГО ОБЩЕСТВА

С. В. Лобачев

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

(Очерки охоты на бурого медведя)

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
Москва — 1951

СОДЕРЖАНИЕ:

- Предисловие
- От автора
- Оружие, ловушки и собаки
- Из записной книжки медвежатника
- На берлогах
- На медведя
- Гибель Черныша
- Вдогонку
- Весенние и летние встречи с медведями
- На овсах в Залекомье
- По медвежьим следам в августе
- В Слободском районе

С.В. Лобачев, «Охота на медведя». Очерки охоты на бурого медведя.

Автор в форме очерков и воспоминаний рассказывает главным образом о проведенных лично им охотах, в одиночку или в группах, на бурого медведя в районах Кировской и Калининской областей и в Коми АССР.

Книга предназначена для военного охотника, который почерпнет в ней необходимые сведения о самой интересной и волнующей спортивной охоте — по крупному зверю.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вскоре после окончания гражданской войны по инициативе В.И. Ленина была переиздана книга известного знатока русской зверовой охоты А. А. Ширинского-Шихматова «По медвежьим следам». С тех пор книг по вопросам спортивной охоты на бурого медведя не издавалось.

Появление книги советского охотоведа и врача-хирурга С.В. Лобачева «Охота на медведя» является немаловажным фактом в спортивной жизни наших советских охотников.

В этой книге старые и молодые охотники найдут для себя много нового. Почерпнутые знания они сумеют с пользой применить в своей охотничьей практике.

В годы, предшествовавшие коллективизации, и на заре развития колхозного движения в северных областях РСФСР автор книги, будучи студентом, потом работая председателем Слободского уездного, а затем Вятского губернского союза охотников, в дальнейшем охотоведом и сельским участковым врачом, провел несколько лет среди промысловых охотников Кировской и смежных с ней областей. Страстный любитель природы и охоты, С.В. Лобачев уже в возрасте двенадцати лет убил первого медведя. А если учесть, что он участвовал более чем в ста охотах на медведя, причем на его долю выпала добыча свыше сорока медведей, можно по достоинству оценить, каким огромным опытом зверовой охоты обладает автор.

Скромный литературный труд «Охота на медведя» раскрывает своеобразный и богатый жизненный опыт и практику бывалого и вместе с тем нового, современного охотника-любителя, охотника-спортсмена.

В отличие от прошлых, дореволюционных описаний медвежьих охот богатых людей, которые весь смысл такой охоты сводили лишь к острому моменту выстрела по уже найденному и поднятому зверю, в очерках С.В. Лобачева показаны процессы трудной охоты на медведя.

Как видно из описаний, автор на протяжении многих охот в Кировской, Калининской и других областях, а также в Коми АССР разделял все тяготы походной охотничьей жизни с промысловыми охотниками. В зимнюю стужу, и днем, и по ночам, сквозь таежный бурелом, по глубокому снегу он совершал большие переходы на лыжах в поясах зверя и при его преследовании. Школа хорошей закалки показана на страницах этой небольшой правдивой книги. В мелких деталях, в отдельных замечаниях и откровенном признании своих ошибок и промахов, допущенных в процессе охоты, автор учит читателя большой охотничьей смекалке, умению организовать охоту и предвидеть ее исход.

Спортивная охота на такого крупного зверя, как медведь, служит хорошим средством воспитания мужества, выносливости, терпения, наблюдательности и отваги. Чтобы идти на медведя один на один, даже при современном, самом совершенном охотничьем оружии, надо быть смелым, находчивым, уверенным в своих силах, выдержанным и не теряться перед лицом опасности.

В нашей стране, в условиях огромных массивов хвойных и смешанных лесов, бурый медведь, бесспорно, продолжает оставаться интересным объектом зверовой спортивной и промысловой охоты. Из-за опасности и трудности эта охота по праву считается самой

интересной, увлекательной из всех видов зверовых охот, а название охотника-медвежатника — особо почетным.

В Архангельской, Вологодской и других северных областях промысловый и спортивный отстрел медведей в отдельные годы превышает по количеству число уничтоженных там волков. Это свидетельствует о том, что медведи, обитающие в северных областях, еще наносят значительный вред развитию социалистического животноводства. Поэтому охоту на медведя вполне своевременно превратить в объект популярной и общедоступной коллективной охоты спортивно-охотничьих организаций.

Достаточно сильные военно-охотничьи коллективы воинских частей и учреждений должны установить прочную связь с районами, имеющими условия для медвежьих охот, и с помощью опытных медвежатников организовать дело так, чтобы военный охотник, участвуя в такой охоте, приобрел хорошую физическую закалку, испытал свою волю и характер в преодолении трудностей и достижении определенной цели; при этом он получит очень большое удовлетворение.

Медвежья охота непосредственно связана с проведением охотничьих экспедиций в отдаленные лесные районы. Поэтому она может служить лучшим средством для проведения охотничьей разведки и путешествий, отдыха и закали.

Прежде чем убить медведя, надо хорошо изучить его повадки и характерные особенности местности. Процесс выслеживания зверя и необходимое в связи с этим исследование охотничьих угодий не менее интересны и важны, чем момент выстрела или добычи зверя.

Пользуясь книгой С.В. Лобачева, следует учитывать, что за пятнадцать-двадцать лет, прошедших с момента описываемых в книге охотничьих походов, в лесах Кировской и соседних с ней областей произошли большие изменения. Машинная техника — тракторы в колхозах и леспромхозах — оттеснили косолапого в глубь тайги, в отдаленные и непролазные заросли лесов, но медведей в тех местах сохранилось еще достаточно.

Ярко и правдиво описана автором северная августовская ночь и зимние дни «медвежьих углов». Все это близко и дорого советскому человеку. Каждый, кто любит свой край, свою могучую Родину, где бы он ни жил, с интересом прочтет эту книгу.

И. И. Дебрин

ОТ АВТОРА

Бурый медведь — один из самых крупных зверей нашей фауны. Наибольший вес бурого медведя-самца достигает 380 кг, а медведицы 220 кг. Встречается он повсюду в лесах, где еще не вытеснен человеком, и заходит далеко, даже в тундру, избегая только степей. Рост медведя и цвет его шерсти разнообразны. Питается медведь главным образом растительной пищей, а на Дальнем Востоке — в большом количестве рыбой. Местами медведи причиняют значительный вред яровым посевам и фруктовым садам, нападают на домашний скот и ломают ульи с пчелами.

Один и тот же медведь, в зависимости от времени года, питается то ягодами и личинками насекомых, то овсом и сочными корневищами дудника, то падалью, то мясом задранной коровы. На скот нападают главным образом старые медведи, гораздо реже молодые. В годы, когда в лесу урожай рябины, «стервятники» встречаются редко. Во время созревания овса нападения на скот прекращаются; в это время медведи питаются овсом.

В своей жизни автор много охотился в тайге, лично убил более сорока взрослых медведей, кроме того, принимал участие в большом количестве других медвежьих охот. Это не были такие охоты, где весь труд сводится к тому, чтобы приехать на все готовое, встать на номер, выстрелить и уехать, так как все остальное сделано другими. Охотиться на медведя, как охотятся северные охотники-промысловики, было тяжело, но очень интересно.

В предлагаемых читателю очерках и рассказах события изображены такими, какими они сохранились в памяти и в личных записях охотничьих путешествий по Кировской, Калининской и другим областям и по некоторым районам Коми АССР. Были использованы также отдельные сведения из охотничьих записок и дневников ряда русских знатоков зверовой охоты.

Все наблюдения относятся главным образом к равнинным лесам средней и северной полосы Советского Союза. Понятно, что повадки и нравы зверей в других районах могут быть несколько иными.

Помимо экономического значения, охота на медведя — увлекательный спорт, развивающий у военных охотников наблюдательность, выносливость, ловкость и отвагу, т.е. те качества, которые теснее всего сближают охоту с физической и боевой подготовкой.

ОРУЖИЕ, ЛОВУШКИ И СОБАКИ

Выбор оружия во многом зависит от вкусов охотника. В местностях, где медведя приходится стрелять на открытых пространствах, от ружья требуется дальность и настильность боя. При начальных скоростях пули 600—700 м/сек желателен калибр не менее 9 мм, при скоростях 900 м/сек допустимы и меньшие калибры — 7—8 мм, если пуля не очень легка.

Вообще при медвежьей охоте надобность в дальнем выстреле, даже при охоте в таежной полосе, встречается гораздо чаще, чем это принято думать. Много раз, сидя на лабазе и наблюдая еще засветло медведя на другом конце поляны или на чистом моховом болоте при охоте о лайками, я чувствовал свою беспомощность, имея в руках гладкоствольную двустволку, заряженную круглой пулей. Для таких случаев желательно иметь нарезное оружие, а еще лучше, если оно с оптическим прицелом.

Старые охотники, не имевшие нарезного оружия, всегда предпочитали на медвежьей охоте тяжелые крупнокалиберные дробовики, заряженные тяжелой свинцовой пулей и сильно увеличенным зарядом пороха. Но при этом получалась огромная отдача.

В тайге на коротких расстояниях (до 60 шагов) можно успешно стрелять по медведю из гладкоствольного ружья, заряженного свинцовой пулей. В густой чаще вблизи, на ходу, по быстро бегущему зверю охотник при стрельбе на вскидку лучше всего попадает в зверя из привычной двустволки 12-го или 16-го калибра. При стрельбе по зверю, который может за себя постоять, очень важно иметь возможность сделать быстро, раз за разом, два выстрела, не отнимая ружья от плеча. Некоторые из наших охотников сохранили бы себя от увечья, а иные и от смерти, если бы вместо одностволок были вооружены двустволками.

Перед охотой обязательно нужно проверить бой ружья пулей на 10, 20, 30, 40 шагов. Заряд пороха под пулю следует увеличить против дробового на 10—50%, смотря по тому, насколько прочно ружье и тяжела пуля.

Дробовики-автоматы при хорошем уходе и тщательном снаряжении гильз тоже могут оказаться полезными на медвежьей охоте, так как имеют три лишние пули. На медвежьей охоте один выстрел часто решает исход, и с выстрелом медлить нельзя. Медведь в чаще или мгновенно исчезает в море хвой и снега, или может также внезапно обрушиться на своего противника.

К холодному оружию на медвежьей охоте относятся нож и рогатина. Охотничий нож, с которым ходят на медведя, должен иметь прочную и удобную ручку и клинок длиной 25 см при ширине 5 см. Рогатина является, по существу, тем же ножом, только насаженным на длинную рукоять. Длина рогатины должна быть несколько меньше 2 м. Главная часть рогатины — «перо» — нож длиной 25—30 см и шириной 5—8 см. Ратовище¹ должно быть из прочного дерева. Охотники-промысловики предпочитают рябину и черемуху. Для прочности обматывают ратовище сыромятным ремнем. Сибирские охотники применяют более легкие и короткие рогатины, называемые «пальмой». Рогатина не потеряла своего значения; она очень полезна в тех случаях, когда приходится выручать товарища, попавшего под медведя. Рогатина и в не очень сильных руках может нанести страшную рану и отвлечь зверя от его жертвы.

Медвежьи капканы снабжены двумя мощными пружинами, каждая весом более 10 кг. Их ставят с прикормкой (например, протухшая рыба, кишки) на медвежьей тропе, на приваде или у заломанной медведем скотины и маскируют мхом, листьями, хвоей. Иногда, хотя капкан поставлен умело и место его постановки отличить невозможно, медведь чутьем обнаруживает предательское железо, тогда он заваливает капкан ломом или откидывает в сторону. Один раз у меня в капкан попала собака. «Мишка», пришедший затем к приваде, оттащил несчастного пса в сторону и завалил валежником. К капкану на цепи прикрепляется увесистая чурка, которая потащится за капканом и будет задерживать ход зверя. Медведь, попавшийся в капкан, грызет его зубами, бьет им о колодник, ходит на задних лапах, влезает на деревья. Он становится зол, затаивается в чаще и может кинуться на человека. Обычно медведь в капкане не уходит в одном направлении, а кружит и петляет самой непролазной чаще. Днем такой медведь, если его не преследуют, лежит, а ночью бродит в поисках пищи, роет муравейники. Был случай, когда преследуемый с капканом медведь бросился на охотника, искусал его и, вероятно, убил бы, если бы не выручили подоспевшие товарищи.

Обращение с капканом требует большой осторожности, так как такой капкан может легко сломать ногу человеку.

Настораживание ружей, применение ядовитых приманок или зарядов взрывчатого вещества запрещены.

Собака при охоте на медведя необходима. Когда коряги, валежник и бурелом завалит глубоким снегом и его тяжелые глыбы согнут в дугу молодую поросль, найти медведя без собаки невозможно.

Охотники нашего севера употребляют для охоты на медведей различных собак, среди которых попадают типичные лайки, но есть и такие, происхождение которых определить трудно. Некоторые гончие также хорошо работают по медведю.

* * *

¹ Ратовище — тонкий шест, на который прилаживается нож («перо»).

Собака на медвежьей охоте должна не только разыскать зверя, но в случае надобности упорно преследовать его по черной и белой тропе и постоянными хватками за зад останавливать медведя. Медведь, преследуемый собаками, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, идет очень быстро. От собаки требуется паратость, выносливость, вязкость, смелость и злоба. Все эти качества в одной собаке совмещаются очень редко. Одним собакам медведь внушает страх, другие не проявляют к нему никакого интереса, третьи охотно облаивают зверя, но боятся его преследовать, и только редкие собаки смело кидаются и при первой попытке медведя повернуться задом виснут на нем. Услуги смелой собаки для охотника бесценны. С помощью такой собаки охотник нередко избавляется от увечья, а, случается, и от смерти. Кроме того, даже тяжело раненый зверь уходит далеко, и без собаки его трудно разыскать в лесных дебрях.

* * *

Молодая собака, не убежавшая домой при первой встрече с медведем, уже дает надежду сделаться впоследствии медвежатницей.

Натаска собак по медведю может начинаться только после того, как собака физически разовьется. Молодой собаке полезно дать потреть только, что убитого зверя; целесообразно также покормить ее свежим медвежьим мясом. Лучшей натаской является охота по тяжело раненому или пойманному в капкан медведю. Молодая собака облаивает и треплет его на глазах человека. Хорошо, если в паре с молодой идет старая, опытная, злобная собака, от которой молодой есть чему поучиться. Медведь, раненный легко, может покалечить молодую горячую собаку. Несколько таких охот по тяжело раненому зверю — и молодая лайка становится смелой и сообразительной в обращении с медведем.

Одежда для охоты должна быть легка, тепла, не стеснять движений и иметь подходящую к фону местности окраску.

Кроме компаса, охотнику следует иметь план местности, где предполагается охота, хотя бы схематично сделанный самим охотником с указанием направления дорог и расположения селений. Это необходимо на тот случай, если приключения дня разлучат охотника с проводниками или товарищами.

Надо всегда быть готовым к вынужденной ночевке в лесу, беречь сухими спички и помнить, что и без топора можно развести костер: разыскав сухой пенек, ножом нащепать от него лучины, развести огонь у основания пня и поддерживать его валежником.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МЕДВЕЖАТНИКА

Некоторые сведения о медведях

В Европейской части СССР (в средней ее части) медведь ложится в берлогу в первой половине ноября, по черной тропе. Причиной, задерживающей лежку, является обилие корма: наличие падали, неубранного овса и урожай рябины. Медведь чуток к погоде, особенно старый, матерый, и, предчувствуя раннюю зиму, обычно ложится до выпадения первого снега. Молодых медведей иногда первый выпавший снег захватывает врасплох, и они дают следы по снегу. Раз медведь дал след по снегу, то опытный охотник его обязательно сумеет обложить.

Любимое место для берлоги: острова среди болот, заросшие гари, сухие поросшие елью болота. Медведица с медвежатами любит выбирать себе для лежки заросли очень плотные, иногда настолько густые, что проникнуть к берлоге без топора не удастся.

Большинство берлог — верховые, т.е. устраиваются под вывороченными корнями деревьев (выворотами), под большими камнями и под буреломом; только небольшая часть их находится в земле — это грунтовые берлоги. Иногда берлоги бывают очень оригинальные. Мне случалось видеть берлоги, подобные птичьему гнезду, только расположенные на земле, и берлоги, устроенные в стогах сена, оставленных до зимы в лесу.

Почти каждый медведь выстилает свою берлогу мхом, ветками хвои, сухой травой или древесной корой. Медведь любит устраивать себе берлогу поудобнее: ломает еловые ветки, сдирает зубами и когтями еловую кору, измочаливает ее и делает из нее мягкую подстилку. Следы этой работы, видимые на елях вблизи берлоги, называют «заеди», «заломы», «задиры», «закуси».

Медведь предпочитает густые еловые массивы более редким и светлым сосновым борам. Он питается преимущественно растительной пищей, предпочитая сочные корневища болотных лесных многолетников. Очень любит ягоды, плоды и овес. Весной и летом медведь нередко нападает на крупный рогатый скот и даже на лошадей, иногда портит промысловые путики² доставая из них добычу. Весною после спячки медведь много бродит, посещает открытые луговины в верховьях рек и речек и лакомится здесь сочными корневищами таких растений, как дудник, борщевик и конский щавель, разрывает муравьиные кучи, старые пни и колоды.

Иногда охотники бурых медведей делят на две разновидности: «стервятников» и «муравейников». Это неверно.

Кормовые условия, наличие или недостаток пищи могут обуславливать перекочевки медведей, обычно осенью.

Зимой в зоологических садах, где медведей кормят, а также в Закавказье и некоторых местах Кавказа, где имеется обильная пища круглый год, медведь может не впадать в спячку. В естественных условиях, в тайге, зимой бурый медведь пищи не принимает.

Мне пришлось провести 18 вскрытий бурых медведей, убитых зимой на берлогах. При осмотре желудочно-кишечного тракта я у каждого из медведей находил громадное количество волос. На всем протяжении тонких и толстых кишок нельзя было отыскать места, где не было бы волос. Присутствовавшие при вскрытиях, глядя на волосы, всегда задавали один и тот же вопрос: «Какое животное убил медведь перед тем, как залечь в берлогу?». Все просмотренные волосы гистологическим исследованием были определены как принадлежащие самому медведю. Язык медведя с поверхности покрыт грибовидными сосочками, отчего имеет шероховатую поверхность. Перед залеганием на зиму медведь часто и подолгу чешет себя языком, вычесывая блох. Волосы попадают с поверхности языка в ротовую полость, а оттуда в дальнейшие отделы пищеварительного тракта, где и остаются при нормальных условиях (если лежка не прервана) лежать до весны.

Приведу краткие данные о некоторых убитых зимой медведях.

1. Медведь-самец, вес 126 кг. Убит 3 января. Берлога облаяна лайкой при охоте на куницу. Устроена берлога под корнями вывороченного дерева. Направление чела (отверстия берлоги) — на север. Подстилки в берлоге нет. Окружающий лес — еловая рамень. Ближайшая дорога — в 12 км. При вскрытии медведя в левом локтевом суставе под кожей обнаружена старая пуля 32-го калибра в организовавшейся соединительнотканной капсуле. Желудок и кишечник зверя пусты. В прямой кишке сгусток кала, состоящего из старой еловой хвои.

2. Медведь-самец, вес 73 кг. Убит 1 января. Берлога устроена под корнем вывороченного дерева, чело ее смотрит на север. Подстилка в берлоге из еловой хвои, обломанной с окружающих берлогу елей. Окружающий лес — еловая ровнядь³. Это был медведь, первый год ложившийся самостоятельно. Два года тому назад он был рожден и полторы предыдущие зимы провел в берлогах с матерью. При вскрытии: желудок сильно сокращен, пуст. Каловый камень состоит из еловой хвои, собственных волос, овса и листьев черники.

² Охотничьи ловушки.

³ Ровнядь — тип лесных насаждений из ели.

3. Медведица весом 110 кг и три медвежонка-сосуна весом: 1-й — 2 кг 100 г, 2-й — 2 кг 150 г, 3-й — 2 кг. Убиты 24 февраля. Место вокруг берлоги — сосново-еловая суборь⁴. Найдена берлога лайкой при охоте на куницу. Направление чела берлоги на юго-запад. Берлога под корнями вывороченной ели, подстилки нет. У медведицы хорошо выражены три пары сосков. Желудок пуст, слизь нейтральной реакции. Каловый камень состоит из остатков овса, еловой хвои и собственных волос.

4. Медведь весом 160 кг. Убит 29 марта. Берлога в 1 км от деревни Пятая Доля, расположена под корнем вывороченной ели. Направление чела на юго-запад. Берлога облаяна собакой при охоте на куницу. Подстилки нет. Медведь лежал, свернувшись клубком «по-собачьи». Лес — еловая ровнядь. Ближайшая дорога в 0,25 км. При вскрытии: желудок пуст; каловый камень состоит из волос и старой еловой хвои с муравейника.

Температура тела медведя, измеренная мной пять раз ртутным термометром, вставленным в прямую кишку спустя несколько секунд после выстрела по зверю, лежавшему в берлоге и не успевшему подняться, колебалась между 29° и 34° С.

Во время спячки обмен веществ ограничен соответственно незначительным жизненным проявлениям лежащего в покое зверя, его минимальному теплопроизводству и ничтожной сердечно-легочной и мускульной работе. Пищеварение у медведя в спячке прекращается. Реакция в желудке становится нейтральной.

С осени медведи, залегающие в спячку, сильно жиреют. В осенние месяцы перед залеганием на зиму они переходят преимущественно на растительные корма, максимально насыщая свои жировые запасы витаминами и другими веществами, определяющими полноценность кормов. Только так и можно понять то замечательное явление природы, что зверь не только перезимовывает шесть зимних месяцев без корма, но что в этот же зимний период происходят роды и кормление новорожденных детенышей молоком, в котором должны быть все элементы, обеспечивающие рост и развитие молодняка.

У медведя, находящегося зимой в берлоге, резко снижается потребление кислорода и продукция углекислоты; вследствие этого промежутки между отдельными дыхательными движениями удлинены, а иногда и нерегулярны: вслед за 5—10 дыхательными движениями наступает пауза продолжительностью иногда в 2—4 минуты, в течение которой дыхательные движения прекращаются. Автор имел возможность с часами в руках наблюдать в течение 15 минут лежащего в верховой берлоге зверя, находясь всего в шести метрах от него, в ясный зимний день. За минуту удалось насчитать у него не более двенадцати дыхательных движений вместо тридцати, в среднем производимых в норме в активном состоянии.

При обильном введении углеводов с осени часть их откладывается в печени в запас в виде гликогена, а часть переходит в жир.

Во время зимнего покоя зверь, не получая воды из окружающей среды, выделяет ее в значительном количестве при дыхании. В этом случае вода добывается самим организмом из накопленных запасов жира.

⁴ Суборь — лесные насаждения, состоящие из сосны и ели.

У двух убитых медведиц автор исследовал кровь на содержание гемоглобина при помощи гемоглобинометра, причем количество его оказалось равным у одной медведицы 65%, у второй — 67%. Способность крови к свертыванию зимой понижается, и раны кровоточат сильнее.

Ходячий рассказ, что медведь, лежа в берлоге, сосет лапу, является вымыслом, основанным на любви маленьких медвежат к этому занятию. У убитых автором зимой медведей находились между пальцами лап остатки земли, засохшей еще с осени.

Родит медведица не ежегодно, большей частью трех, реже двух и еще реже одного медвежонка, в январе или в феврале.

В гнезде часто встречаются медвежата, отличающиеся друг от друга ростом и весом. Разница эта доходит иногда до нескольких килограммов. Объясняется она тем же, чем объясняется и разница в щепках одного и того же помета у собаки и т.п.

Медведица ходит с медвежатами все лето и обязательно, при нормальных условиях, вместе с ними же ложится и на следующую зиму; по выходу из берлоги на следующий год, т.е. через 15—16 месяцев после родов, она отгоняет их от себя. Ни охотникам, ни местным жителям не удавалось, насколько известно автору, видеть 4—5-месячных медвежат в июне или июле одних, без матери. Щенная медведица никогда никого не берет к себе в берлогу и всегда щенится одна.

Точно так же не было найдено берлог, в которых лежали бы лончаки — годовалые медвежата, а вблизи них мать, готовящаяся дать второе потомство. Не приходилось также слышать, чтобы при медведице были найдены и лончаки, и новорожденные сосуны. Но берлога, в которой лежит вместе с лончаками медведица, — явление обычное. Этим, по-видимому, подтверждается, что одна и та же медведица, в условиях свободной жизни в лесу, не приносит медвежат ежегодно.

В печати иногда встречаются сообщения, что в берлогах находят пестунов. Под именем пестуна понимается взрослый, от прошлого помета, медведь-самец, оставляемый медведицей при себе в качестве няньки для новорожденных медвежат. Однако вряд ли это утверждение обоснованно.

Автору удалось видеть 62 медвежьи семьи. В числе их были медведи, убитые им на охоте, а также виденные случайно во время охотничьих поездок. Было осмотрено около ста сорока медвежат. О еще большем количестве медвежьих семей удалось слышать от старых зверовых охотников из крестьян. И должен сказать, что ни автору, ни другим известным ему охотникам не приходилось встречать в берлогах пестуна с медведицей.

Наконец, не лишнее сказать об отношении медведицы как матери к своим медвежатам. Летом медведица всегда ревностно выступает на защиту своих детей. Они чрезвычайно любопытны, лезут к человеку, и крестьяне особенно часто страдают из-за этого от раздосадованной медведицы, которая пытается увести медвежат, а если ей это не удастся, может наброситься, на человека.

Зимой — дело другое. Тогда в берлоге нарушается покой, лают собаки, слышится людской разговор. Все это нервирует медведя. Медведица забывает о медвежатах.

В Подосиновском районе автору пришлось быть на берлоге медведицы, залегшей с тремя медвежатами-лончаками. Медведица сразу стала уходить, в то время как медвежата

продолжали оставаться в берлоге. И если бы не своевременно пущенная пуля, медведица ушла бы, оставив своих детей.

В другой раз в Слободском районе пришлось охотиться на медведицу, за два дня перед тем родившую трех медвежат. Звуки, издаваемые ею при родах, очень похожие на громкое оханье, слышали два охотника, наткнувшиеся на эту берлогу. Медведица лежала в такой густой чаще, что стрелять по ней нельзя было иначе, как подойдя к елке, под нижними сучками которой она укрывалась в двух шагах. Погода была мягкая. Не успели мы подойти к берлоге шагов на 10, как уже услышали, что медведица покинула постель, медвежат и попыталась уйти. Медведица была из крупных (160 кг), но на нас не кинулась, а предпочла уйти, оставив новорожденных медвежат. Медвежата были еще так малы, что заскочившая минутой раньше в берлогу лайка успела, пока мы прыгали в яму, съесть одного из них.

Зимой в Слободском районе лесорубами была случайно обнаружена берлога. Собаки их тут же выгнали медведицу. В берлоге остались три медвежонка-годовика, которые спокойно пролежали одни до следующего дня и были перебиты местным охотником. Несмотря на то, что медведицу в продолжение первых суток не преследовал никто, она не пожелала вернуться к детям, а устроилась на новой лежке, километрах в семи от берлоги. Многие из слободских охотников помнят эту медведицу, так как в продолжение месяца после этого случая на нее охотились неудачно несколько групп охотников. Пишущий эти строки самым нелепым образом упустил эту медведицу, обложенную уже на четвертой лежке. Она лежала так плотно, что позволила заниматься порубкой мешавших стрельбе молодых елок на расстоянии 3 м от себя. Во время охоты был очень сильный мороз, с механизма ружья не была удалена смазка, и оно дало шесть осечек подряд по выскочившему в 4 м зверю.

В другое время года в любом из описанных случаев медведица стала бы обязательно защищать медвежат.

НА БЕРЛОГАХ

Леса по течению реки Вятки издавна были известны как прекрасные охотничьи места.

В этих местах еще сейчас водятся медведи, и охота на них довольно широко распространена.

Бьют медведей более всего на берлогах. Этот способ требует меньше людей, времени и расходов, а цель достигается вернее.

Медведи любят ложиться, если их не тревожат, ежегодно в том же излюбленном ими урочище. Такие урочища известны старым медвежатникам, здесь они чаще и скорее находят медведей с помощью собак.

Медведь ложится в берлогу до снега. И только при очень раннем снеге медведи, захваченные этим снегом врасплох, могут дать следы. В этих случаях и обкладывают медведя, не успевшего убраться в берлогу. Обложив медведя большим кругом, можно зимой обыскать этот круг. Медведь, если заметит, что за ним следят, будет сильно путать свой след. Он будет выходить на дороги, где трудно разбираться в следах, будет покидать дорогу, путая свои следы, идти ломным местом⁵ с колоды на колоду, с дерева на дерево, чтобы не оставить следов. Отправляясь по медвежьему следу, всякую густую гриву, отъём, сухой остров на болоте, бурелом⁶ — места, где медведь может лечь, — следует обходить кругом (рис. 1 и 2). Перед тем как лечь, медведь делает петли, сметки, иногда идет, пятясь задом. Разобраться во всем этом иногда очень трудно. Петли, ведущие в чистый бор, чистое болото или в поле, если будет найден возвратный след, обходить незачем. Делая круг, надо идти чистыми местами, чтобы не «подшуметь» (спугнуть) зверя. Нередко входов и выходов бывает много. Надо считать их точно, так как ошибка в одной единице изменит все дело. Например, если есть четыре входа и три выхода, — значит зверь обложен, а при трех входах и трех выходах зверя в окладе нет.

⁵ Ломное место — место с поваленным бурей лесом, поросшее молодой древесной растительностью.

⁶ «Грива», «отъём», «сухой остров», «бурелом» — этими названиями охотники называют различные типы встречающихся угодий.

Медведей, которые зимой в наших северных областях по своей воле перекочевывали бы с места на место, я не видал. Каждый медведь, потревоженный на берлоге, становится «шатун» на время его преследования, но лишь только преследование прекращается, медведь вновь ложится. Я видел медведей, которых обкладывали и стреляли на протяжении зимы до десяти раз, и каждый раз медведь, как только прекращалось преследование, укладывался на новой лежке, позволяя себя вновь обложить.

Медведь лежит в берлоге, свернувшись кольцом, на том или другом боку, режет на брюхе с подобранными под себя задними лапами и уткнувшись рылом между передними.

Лишь только собака подаст голос по медведю, охотник тотчас должен поспешить к ней. Не каждый медведь может терпеливо выслушивать продолжительное и близкое облаивание. Собака всегда нападает на медведя с головы и зорко следит за его движениями, чем предупреждает охотника о ближайших намерениях зверя.

Умелый подход к берлоге имеет большое значение. Нужно подходить так, чтобы выскочивший из берлоги зверь был виден охотнику. Около берлоги следует занимать наиболее возвышенный пункт, откуда виднее. При глубоком снеге не следует сходить с лыж. При мелком снеге, если медведь лежит в густой заросли, меньше опасности «подшуметь» зверя при подходе без лыж. Чем ближе охотник к медведю, тем больше шансов убить его наповал. Однако не следует загораживать собою выход из берлоги, а нужно становиться сбоку. Если медведь, пользуясь закрытием, уходит до выстрела, охотник должен стрелять по мелькнувшей части его тела, чтобы ранить зверя и сбавить его силы. Совет — не стрелять по медведю не наверняка по мотивам личной безопасности — «благоразумен», конечно; но ведь еще «благоразумнее» не стрелять по нему вовсе.

Ширинский-Шахматов утверждал, что медведь выходит из берлоги всегда или на юг, или на юго-запад, или на юго-восток. В действительности это бывает, хотя и не всегда, но в подавляющем большинстве случаев. По моим наблюдениям, в случаях, где чело берлоги было обращено на север и восток, против него была густая еловая заросль, дававшая защиту от холодных ветров.

* * *

Медведица, уничтожившая летом немало скота, лежала в пятистах метрах от зимней лесной дороги под корнем вывороченной ели с южной стороны в сухом поросшем елями болоте. Было 12 градусов мороза. Зверь подпустил нас на четыре метра и поднялся только после выстрела, сделанного в чело берлоги. Медведица была убита с третьего выстрела, сделанного вдогонку. Вес ее оказался 112 килограммов. В берлоге, помимо медведицы, были три медвежонка-годовика. Лончаки крайне неохотно оставили берлогу, сначала затаились в ней. Защищались они вяло и неумело. Два из них были убиты, и один взят живым из-под собак. Когда я, догнав медвежонка, связывал ему лапы, он кусался и когтями разорвал мои брюки и валенки. Привезённый в деревню, лончак скоро освоился со своим положением: он сосал свою лапу и ел принесенную ему пищу. Чем старше становился этот медведь, тем реже он сосал свою лапу.

Как ни терпеливы бывают обычно медведи, они подчас не только калечат, но и лишают жизни оплошавших охотников. В конце декабря два молодых охотника нашли берлогу медведя в Климовской лесной даче. Берлога была в чаще. Медведь стремительно бросился на охотников, не успевших выстрелить накоротке. Он поднялся на дыбы, лишь наскочив в упор на старшего, и подмял его под себя. В то время как младший охотник убежал, медведь клыками и когтями нанес другому страшные раны. Охотник, хотя и

остался жив, но голова, лицо и руки были сильно обезображены, и пострадавший ослеп. После коротких хваток опрокинутого им несопротивляющегося человека медведь ушел.

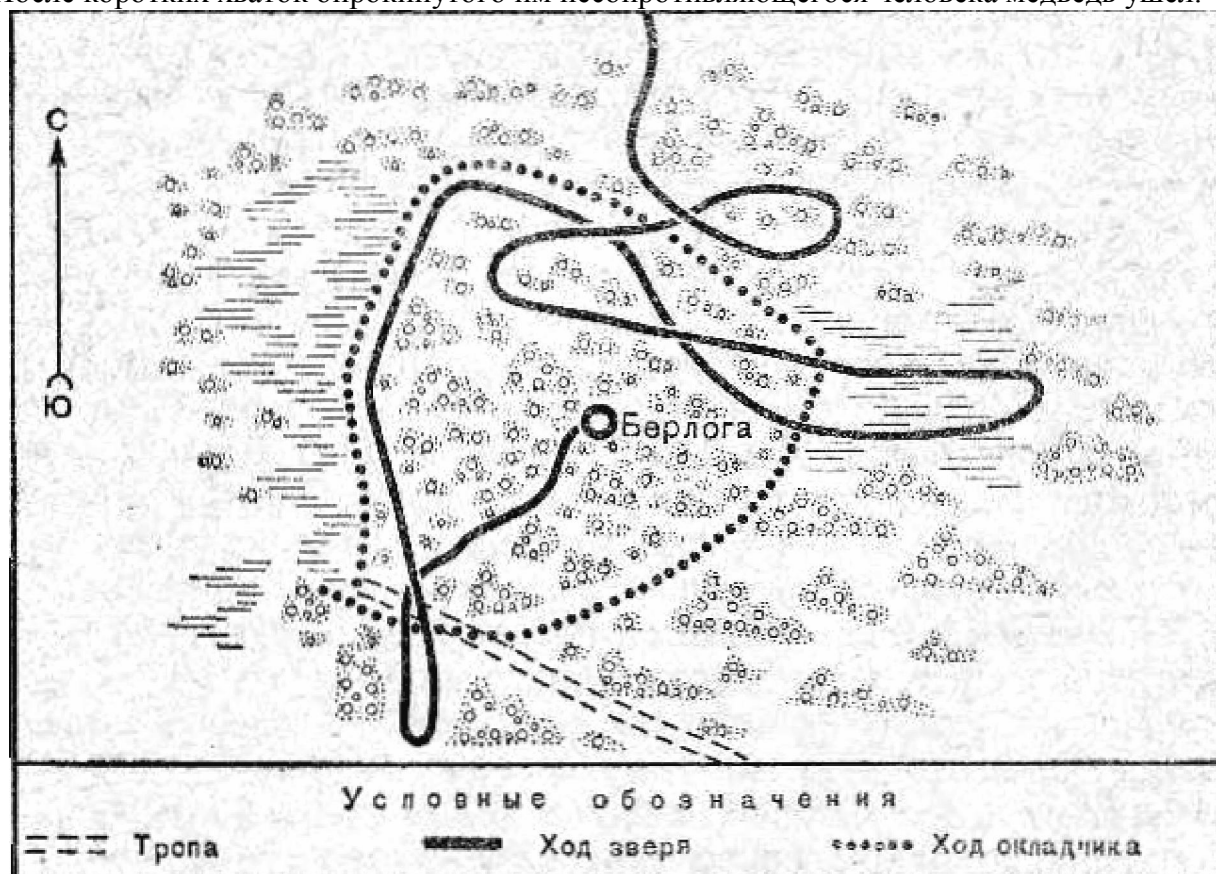

Рис. 1. Ход медведя к берлоге (первый случай)

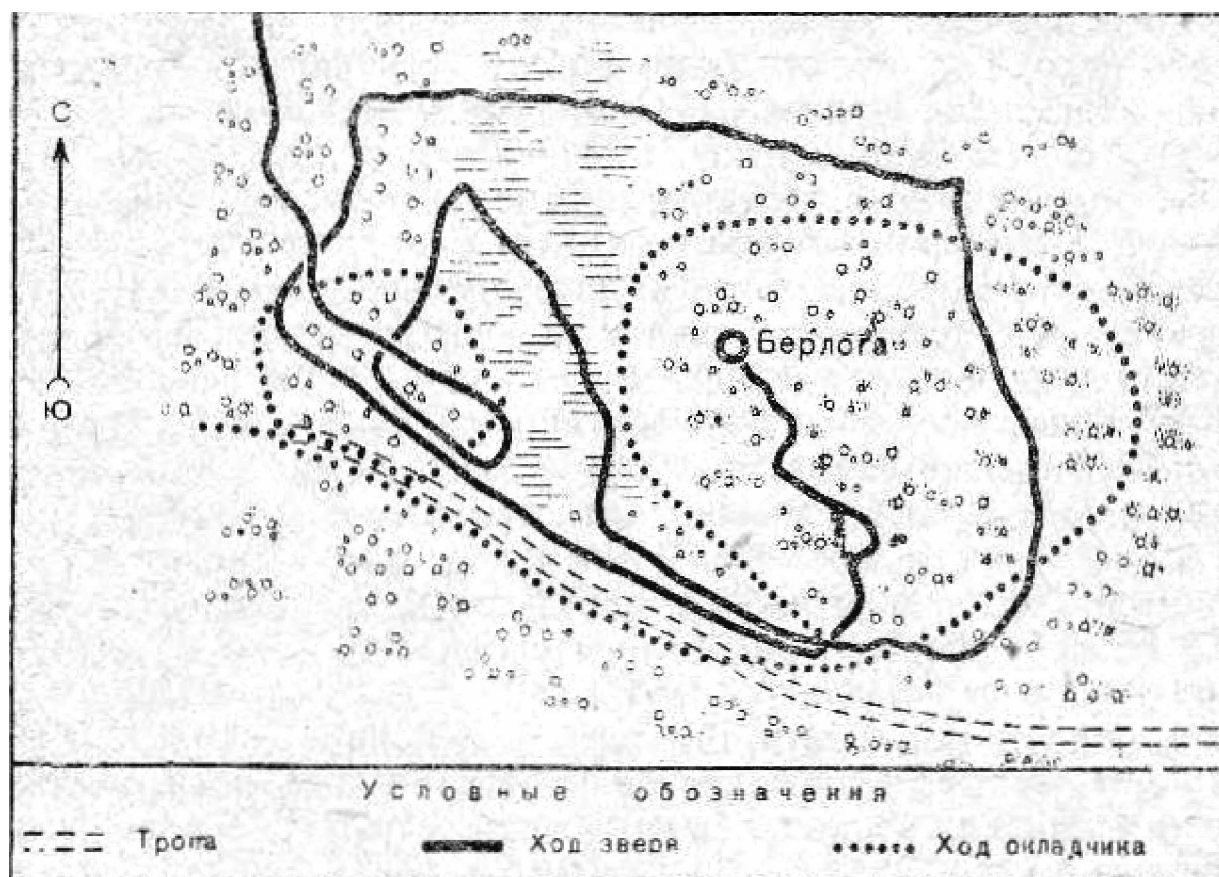

Рис. 2. Ход медведя к берлоге (второй случай)

В дальнейшем он был вторично обложен другими охотниками. Медведю дали облежаться. Через месяц я охотился на этого зверя. Вторично он выбрал себе лежку в густой заросли сухого острова, поросшего елью. Чаша эта представляла после прошедших снегопадов сплошную стену из хвои и снега, по которой пришлось пробираться без лыж по пояс в снегу. Несколько десятков шагов без лыж — и вот комки снега с елочек уже падали рядом с лежкой. А затем показалась мохнатая голова поднимающегося на дыбы зверя. На мгновение наши взгляды встретились. Щелкнул выстрел, и зверь мягко осел на зад. Это была медведица весом 145 килограммов. В берлоге были три медвежонка нескольких дней от роду. Они напоминали собой щенят и имели белые ошейники. Вечером в деревне медвежата лежали на печке и сосали из сосок молоко.

Ложится медведь на зиму не всегда в глухих, далеких от жилья местах, а иногда вблизи проезжих дорог и деревень.

Вторая охота в ту же зиму состоялась в конце марта.

Берлога была найдена в одном километре от поля деревни Усковцы в редком еловом лесу. Место кругом берлоги представляло чистую поляну метров 30 в ширину, почти круглую. На середине этой поляны находился громадный старый выворот сосны. С южной стороны выворота чернело чело. Так как это было близко от поля, то набралась большая толпа зрителей. С народом прибежало также много собак. Одни из них, причуяв зверя, поджав хвосты, убежали обратно в деревню, другие не проявляли никакого интереса и бродили около хозяев. Только две лайки «исполнили свой долг». Несмотря на шум, медведица долго не выходила. В берлогу был сделан холостой выстрел. Подойдя ближе к вывороту, я увидел в темноте на фоне переплетенных корней несколько пар светящихся глаз. Спереди меня были медвежьи глаза, а сзади в спину мне уставились стволы ружей побледневших от страха людей, бывших на медвежьей охоте впервые. Я понял, что сзади грозит большая опасность, и решил не выпускать медведя из берлоги. После выстрела в чело берлоги собаки вскочили туда, но под напором лончаков мгновенно вылетели обратно. Медведица была убита тут же: пуля попала ей в череп. Поймать живыми лончаков не удалось — два были убиты нами наповал, а один заколот ножом из-под собак. Вес медведицы оказался 98 килограммов. Вес лончаков — 45, 41 и 38 килограммов.

В январе была найдена берлога в Чепецкой даче. Обнаружена она была случайно собаками при охоте за белкой. В течение месяца три раза берлога проверялась и каждый раз облаивалась собаками. Медведи, облаиваемые в берлоге собаками, редко переходят в другие места, если собаки не очень злобные. Зверь, облаиваемый издали, чаще остается тут же. В пяти шагах от берлоги на трех елках имелись «закуси», видные издали. Кора с этих елей в полутора метрах от земли была содрана и, как оказалось впоследствии, служила подстилкой зверю. Берлога находилась в высоком густом ельнике с подлеском и множеством выворотов — «выскирей»⁷. В этом буреломе, образовавшемся от огромных поваленных елей со смятым под ними подлеском, образовались целые коридоры и ходы. Когда мы подошли к берлоге, она оказалась пустой; медведица, пользуясь естественными прикрытиями, ушла. Собаки, вскочившие в берлогу, с лаем кинулись в южном направлении.

По словам Ширинского-Шахматова, медведь, направляясь окончательно к лежке, идет к ней с юга на север, причем отклонения от этого направления не превышают 15 градусов,

⁷ «Выскирей» — местное название вывороченного с землей корня дерева, под которым медведь делает себе берлогу.

а зверь, направляющийся из берлоги (из оклада), идет или прямо на юг, или на юго-запад, или на юго-восток. В то время в горячке я забыл этот медвежий «закон», и мы подошли к берлоге не с юго-запада, как бы следовало и как я всегда делал впоследствии, а с севера. Мы кинулись вдогонку, руководствуясь лаем собак. Мешал бурелом, и мы постоянно скатывались в коридоры, образовавшиеся под поваленными деревьями, зарываясь в снег. Но и зверю приходилось тяжело в глубоком снегу, когда его преследовали хорошие лайки. Шагов через триста медведица была остановлена и забилась под «выскирь», окруженную мелким ельником. Я подскочил к зверю и увидел в четырех метрах перед собой совершенно черного цвета медведицу, лежащую под выворотом. Я выстрелил. Медведица вскочила. Вторая пуля разбила лицевую часть черепа, перебила челюсти, но не остановила зверя, у которого оставались целыми могучие лапы. Медведица бежала на меня, и что было бы, — не знаю, так как совершилось все это настолько быстро, что перезарядить ружье не было времени. Подоспевший в это время мой спутник удачным выстрелом уложил зверя, бывшего уже на носках моих лыж.

Ночевать после охоты пришлось в лесу, так как наутро предполагалось продолжение охоты: недалеко имелась еще одна берлога. Ночью мы сидели у нодьи. Морозная зимняя ночь, тихая и звездная, ни единым движением не выдавала происходившей под ее покровом жизни.

Наутро надо было идти на вторую берлогу. Берлога была найдена и облаяна лайкой Розой. Утром к нашей компании прибавился горячий молодой охотник, ранее не выдававший медведей. Он подкупил нас своей энергией и жаждой подвига.

В берлоге оказалась медведица с лончаками. Лончаки выскочили первыми, и, пока мы разделялись с ними, медведица ушла незамеченной среди бурелома. Здесь она наткнулась на сильно отставшего от нас нашего молодого компаньона. Не ожидавший встречи с медведем, он бросил ружье с поднятыми курками и от страха упал лицом в снег, издавая при этом звуки, имеющие отдаленное сходство с человеческим криком. Медведица пробежала мимо него по проделанной нами лыжне. Через некоторое время, обнаружив след ушедшей медведицы, мы пустили наших лаек Бурлака и Розу, догнали зверя и убили с пятой пули.

Один лончак весом 24 килограмма был взят в эту охоту живым и уже вечером в деревне жадно набрасывался на еду.

Молодому нашему спутнику я поклялся, что больше никогда не возьму его на медвежью охоту. Он, впрочем, и не возражал, а только просил никому не говорить о происшедшем. Вечером, когда мы возвращались, в деревне нас ждала толпа. Лошадей наших остановили и с любопытством рассматривали нашу добычу. Все были рады. Весело сверкало заходящее солнышко, улыбаясь удачливым охотникам.

* * *

Второго января я приехал в деревню Векшата к Тимофею Емельянову. Он был большой охотник на куниц, а его знаменитая лайка Мая подлаяла на своем веку много десятков этих зверьков. Охотник берег свою Маю и держал ее в избе. Мы знали, что в Черно-

Холуницкой даче была найдена берлога. Еще до света вышли мы из деревни. В поле нас встретила и проводила сильная вьюга. Идти чистым полем было сносно, но едва мы вошли в лес, как лыжи стали глубоко тонуть в рыхлом снегу. Через три часа хода Тимофей остановился перед выломом и сказал:

— Тут и есть.

Необходима богатая фантазия, чтобы представить себе хаос бурей поваленного леса. Скрестившись по всем направлениям, эти вырванные с корнями деревья образуют покрытые снегом ходы и галереи, но которым, как говорится, «сам черт ногу сломит». Под этим выломом и лежал медведь. Разбуженный колом, он выскочил из берлоги, поднимая массу снега, и был убит в двух метрах от своей лежки.

Зверь оказался весом 150 килограммов.

* * *

В одну холодную зиму мы с товарищем охотились в верховьях реки Летки.

Деревня, в которой мы жили, стояла на горе. С улицы далеко видна уходящая во все стороны беспрерывная тайга. Только кое-где отдельные гиганты-сосны выделялись на общем фоне зеленых покрытых снегом ельников.

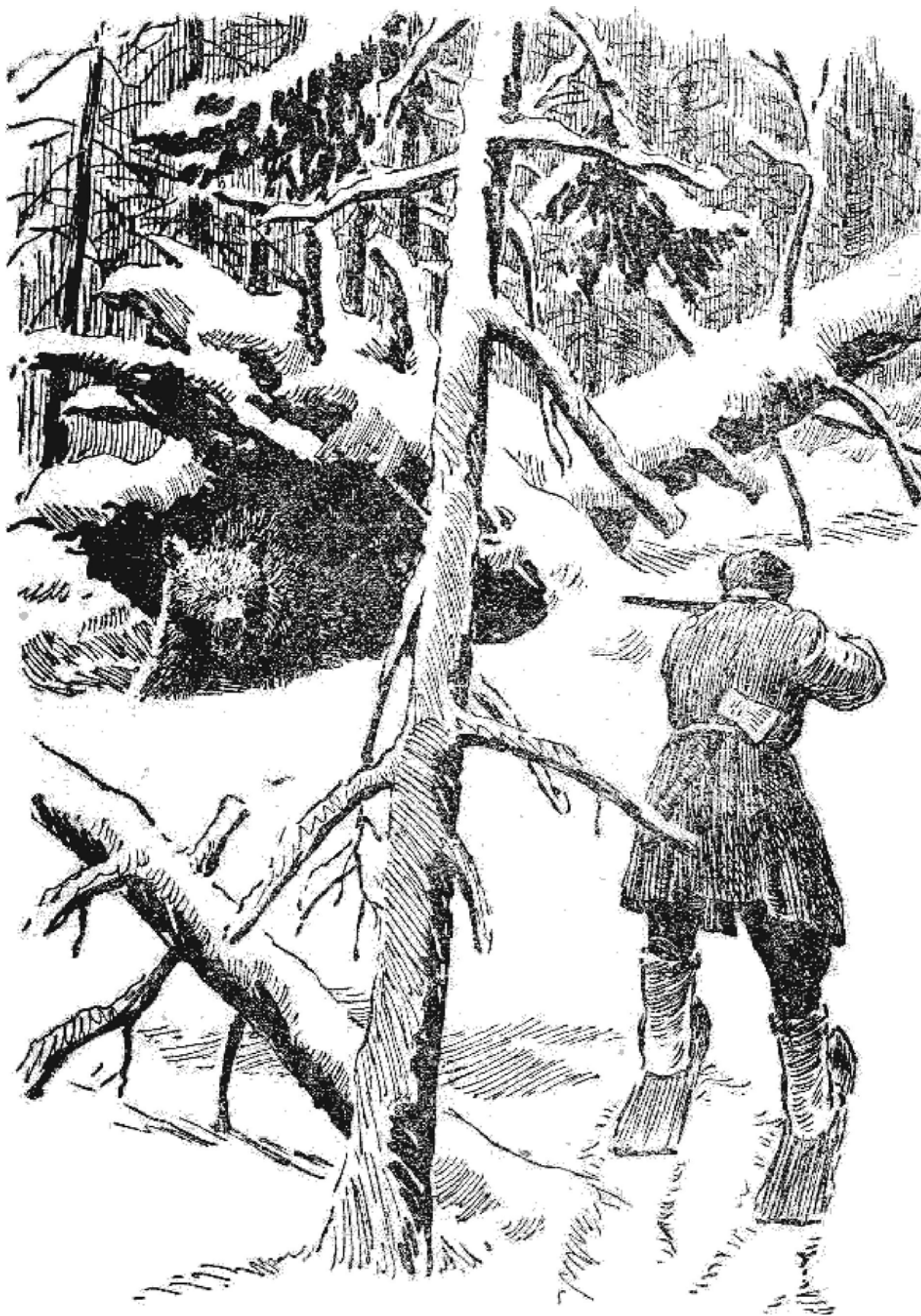
— Вон там медведя добывать будем, — говорил охотник, показывая на горизонт, где сходится с небом зеленая линия леса.

До этой точки в тайге, куда направлены наши мысли, 26 километров. Решили к вечеру поспеть в «балаган», чтобы завтра отправиться искать медведя.

Трудно искать в тайге затерявшуюся лесную избушку. Лесные «кварталы» здесь большие, от грани до грани 6 километров. Но с нами местные охотники. По опыту мы знаем, что не нужно и компаса доставать — как по нитке приведут они куда надо.

Вот и балаган, а около — замерзший теперь Глушицкий ручей. Избушка открыта, в ней железная печка, нары и даже керосиновая мигалка. Много охотников-промысловиков перебивает в избе за охотничий сезон, но никто никогда не возьмет отсюда ни одной вещи.

К вечеру прояснилось, выплыла луна, яркими стали звезды, и в тайге нет-нет да и треснет дерево, да так сильно, что в балагане слышно. Лайки наши забрались под нары. Только одна баловница Серка — любимая всеми собака, пользуясь своим положением, улеглась рядом с ружьями. Наутро в балаган приехал другой промысловик с предложением помочь убить найденного им медведя, который лежит километрах в восьми отсюда. Оказалось, что две берлоги находятся неподалеку одна от другой, надо было только перейти через просек из 8-го «квартала» в 17-й. Так и порешили: сегодня брать одну берлогу, завтра, если будет удача, тащить медведя до балагана, а послезавтра идти на другого медведя.

Лес здесь отличался обилием крупных заломов, таких, что то и дело снимаешь лыжи и взбираешься на груды бурелома. Любит род «топтыгиных» такие места!

Трудно идти по бурелому, а за плечами еще тяжелый мешок с инструментами и реактивами для изучения физиологии спячки. К полудню дошли до круга, в котором обложен медведь. Место — типичная рамень с еловым насаждением в возрасте 100—120 лет. Поиски берлоги в буреломе заняли мало времени. Как-то быстро наткнулись на медвежью «выскирь», хотя и похожа она была как две капли воды на десятки других точно таких же выворотов. Если бы не собаки, причуявшие зверя с десяти метров, так и ходил бы тут, не зная, что под лыжами лежит зверь. Злобно залаяли Серка и Ичет, только Ичет лает издали. Молодая сучка Цыганка, еще не видавшая зверя, с любопытством сунулась под выворот, да сразу же как ошпаренная оттуда выскочила: очень страшен показался ей зверь. Теперь всегда, всю жизнь будет она так поступать: как услышит этот резкий звериный запах, поднимет шерсть дыбом и издали залается лаем, как по чужому человеку.

Долго возились со зверем. Не хотел покидать он выстланную еловыми ветками яму. Наконец, после того как длинный шест, опущенный откуда-то сверху, больно ударил медведя по ребрам, не выдержал он и кинулся на людей, загородивших ему дорогу. Медведя убили.

Через день начались поиски второго медведя. Велик был круг, в котором был обложен этот зверь, и трудно искать его в сплошном буреломе среди многих десятков вывороченных с корнями деревьев. Окладчик обещал подвести к самой берлоге, так как, по его словам, берлога была около приметной сухой ели. На деле оказалось, что эта «приметная» сушина давно повалена ветром, и нам пришлось блуждать на лыжах по бурелому больше четырех часов по самым непролазным зарослям. Провалившись в лом, может быть, в двадцатый раз, я вдруг услышал под собою медвежье ворчание, а через минуту увидел мелькнувшую спину зверя. В последний раз близко сошелся этот зверь с человеком... Тут ему и был конец.

НА МЕДВЕДЯ

Стонал на дворе ветер. Подымались и кружились в ночном воздухе клубы снега.

Две небольшие, но сильные лошади бодро тащили по заметенной проселочной дороге розвальни.

Снег то попадал за ворот, то забивался под услужливо откинутую ветром полу тулупа.

По сторонам дороги тянутся то громадные близко подступившие стены хвойного леса, то вдруг открывается небольшое поле, где особенно сильно чувствуется пронизывающий ветер.

Наконец, доехали.

Из подворотни вырвался пестрый злобный пес и с хриплым лаем кинулся нам под ноги, но вдруг узнал и от радости или от стыда за свою оплошность заскулил, затем быстро перевернулся на спину и растопырил лапы; казалось, он хотел этим сказать: делайте со мной что хотите — все приму как награду.

Озябшие, вваливаемся в теплую избу охотника Василия Ильича Коробейникова. Пока мы пили чай, Василием были приготовлены лыжи и рогатина. Отдохнув, мы отправились в путь.

Хорошо было идти узенькой лесной тропинкой. Быстро скользят Лыжи. Три остроухие бойкие лайки то бегут впереди, то вдруг одна из них остановится, поднимет острую мордочку, послушает и снова бойко ныряет в глубоком снегу, обгоняя охотников.

А лес становится все гуще и выше, ели как будто упираются вершинами в небо. Уже давно свернули с тропинки и с трудом пробираемся в мелком ельнике да выломе, то, согнувшись, ныряем под снежной горой, повисшей на сучьях, то, сняв лыжи, взбираемся

на горы бурелома, то прыгаем по поваленным деревьям со ствола на ствол. Потеряешь равновесие — и зароешься головой в рыхлый снег.

Жарко и весело.

Остановился Василий перед низкорослым молодым ельником и зовет к себе рукой. Лайки уже впереди, и злобно, как на чужого человека, лают. Хорошо заметна нервность в их лае; поднявшаяся дыбом шерсть выдает их волнение. Не видят они зверя, но чувствуют, доходит до них его дыхание, слышат они, что тут, под снегом, под ногами где-то лежит он.

Быстро заряжаем ружья... Тихо двигаемся на лыжах к собакам. Ближе и ближе наступают собаки, все яростнее становится их лай. Розка уже прыгнула передними ногами под занесенные снегом сучья. Зашевелилось что-то под елкой. Большая темная масса метнулась в сторону, и видно стало сразу, как начал осыпаться снег с ближайших деревьев. Не уловили сразу собаки движения зверя, шарахнулись было в сторону, но скоро оправились, и слышно стало, как удалялся их лай.

— Ушел! — мысленно сказал себе каждый из охотников. Ветер метнулся, и вершины старого ельника закачались, как бы повторяя: «ушел, ушел».

Снова скользят лыжи, мелькают мимо старые колоды, шапка слетела с головы и, не поднятая никем, осталась лежать на снегу.

Не дали собаки хода зверю, остановили, и слышно, как на одном месте заливаются все разом. Бежишь, ельника густого не чувствуешь: «Скорей, скорей! опоздаешь — уйдет!»

Собачки милые, додержите!

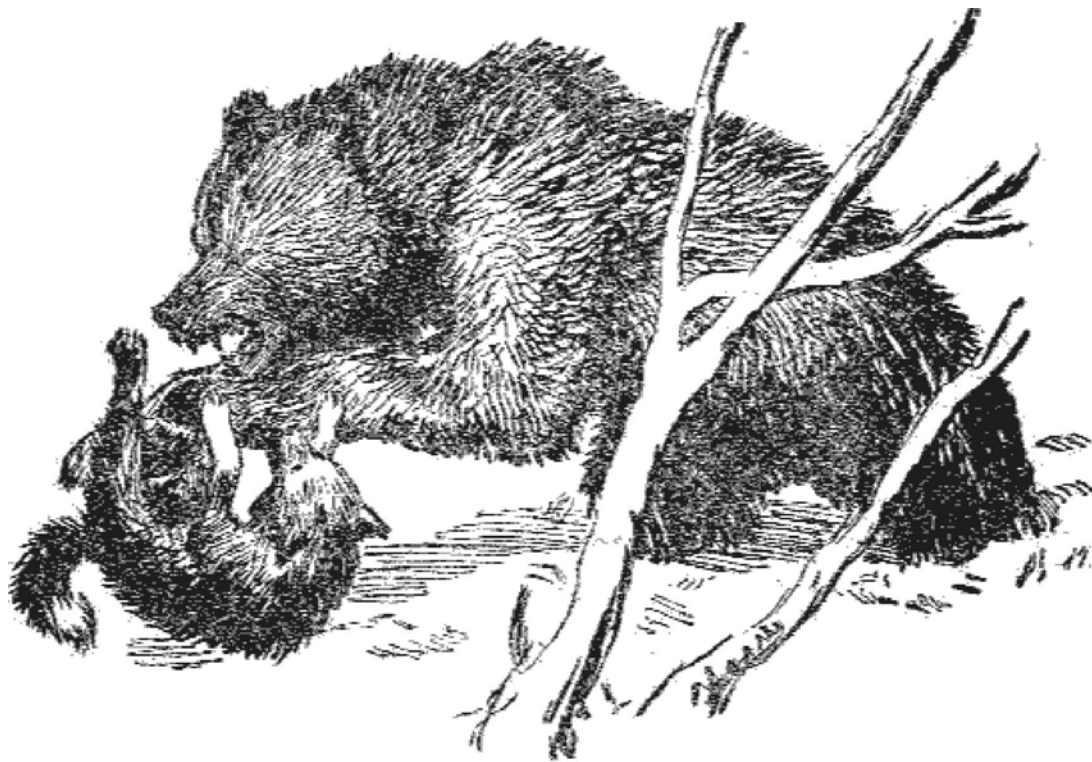
Вот и они. Видно, как в лом лают.

Перебежать только две эти кочки, а дальше, под третью уже жадно впились собачьи глаза... Давно готово ружье к выстрелу... Вот она, третья кочка. На темном фоне выворота видны две небольшие зеленые точки. Забегали в темноте, исчезли и снова появились на поверхности уже вместе с медвежьей головой...

Глухо щелкнули два выстрела. Задержался на минуту медведь, от боли зажал передними лапами голову. А через несколько секунд снова бежит вперед. Не уложили зверя первые выстрелы. Еще много у него силы. А вновь стрелять — нечем... Уже близко видишь громадную голову, два небольших нервно прижатых уха и раскрытую пасть с кровавой пеной. Эти маленькие зеленые глазки стали большими, ярко-зелеными, зловещими. Вот они — все ближе и ближе... Свободная рука пробует ход охотничьего ножа. Минута — и я в лапах... Промелькнули мысли о домашнем уюте... весне... дорогой девушке... И все покрыл в ту же секунду этот близкий ярко-зеленый взгляд. Горячее дыхание обдает паром. Секунды кажутся часами...

Мимо ушей мелькает сноп света, ожгло лицо. Загрохотало раз, второй... прокатилось эхо... У самых ног лохматый зверь последний раз пошевелил могучими лапами. А лайки Бурлак и Роза уже вцепились в теплый мягкий медвежий зад.

Охота копчена. Волнение улеглось. Радостные, довольные пережитым охотничьим днем, поворачиваем к дому.

ГИБЕЛЬ ЧЕРНЫША

Свежи впечатления недавних зверовых охот.

Ясно встают перед глазами отдельные картинки.

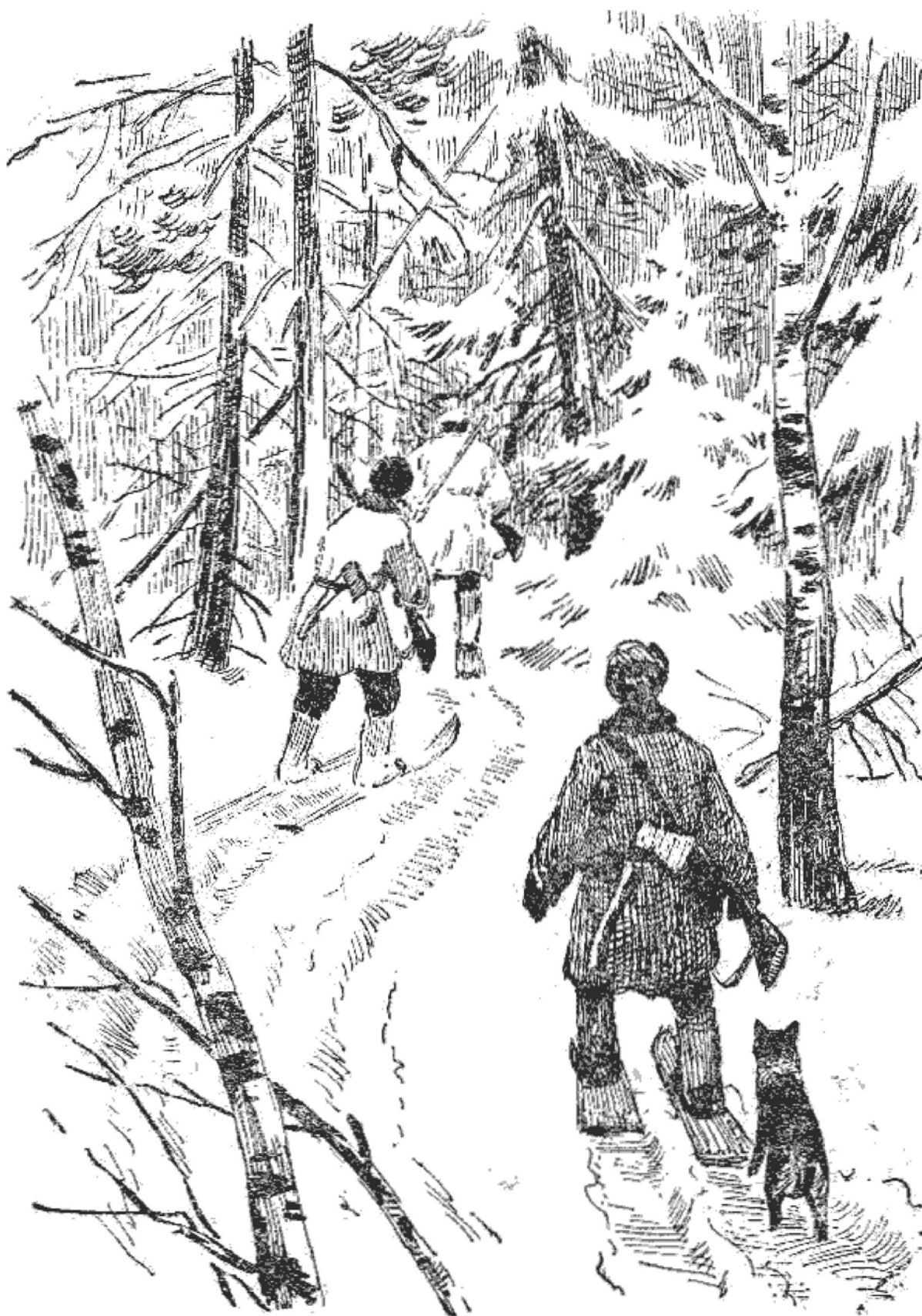
Утром в конце февраля зашел ко мне охотник Архип. Это был дельный охотник, славившийся как добычливый промысловик. Охотился он всегда вместе со своим старшим братом Дементием.

Он сообщил, что неделю назад они с братом наткнулись в лесу на берлогу медведя. Кобель Черныш стал медведя облаивать, но подойти к берлоге близко они не решились, издали же ничего не было видно в непролазной еловой чаще. Собаку они пытались отозвать, но злобный пес лаял, по-видимому, «по зрячему» и не послушался. Сообщив это, Архип смолк и задумался.

— Ну, а дальше? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Дальше, — молвил Архип, — дальше мы с Дементием слышали, как вдруг оборвался лай, взвизгнул мой Чернышка, и больше ничего не было. Собака к нам после этого не вернулась...

Он не договорил, но уже я знал, в чем дело. По выражению лица старого охотника я понял, что он стравил зверю любимую собаку. Ясно мне стало, что Архип приехал в город не только за тем, чтобы рассказать о своем горе, но и обратиться ко мне за помощью и отомстить зверю...

Ночью котласский поезд вез меня в Пинюгу, а на следующий день я проделал тринадцатикилометровый путь до деревни Зимное. Леса здесь стояли нетронутые, изобиловали зверем и птицей. Здешние болота тянулись на десятки километров. Зимой по ним протягивались дороги, а летом их далеко объезжали.

Я взял на этот раз два ружья, а местные охотники имели еще по топору. Надобность во втором ружье при охоте на берлоге, когда охотишься один, возникает часто. Дало осечку одно ружье, либо первые два выстрела не оказали ожидаемого действия — и уже надеяться больше не на кого. Редко бывает возможность снова перезарядить ружье. Стрелять же приходится либо в быстро поднимающегося зверя, либо в мелькающую в чаще при прыжках зверя темную массу, в которой трудно бывает разобрать отдельные части животного, в нескольких шагах от себя.

Не доходя с километр до берлоги, мои товарищи заспорили: надо ли спускать перед берлогой с веревки бежавшую с нами небольшую собаку или же следует спускать ее только после выстрела. Архип доказывал необходимость спустить собаку, чтобы она показала место пребывания зверя, брат же его протестовал, боясь спугнуть медведя и стравить свою собаку.

В качестве старшего нашей небольшой группы я распорядился немедленно спустить лайку с веревки.

Перед берлогой елово-сосновый лес сменился густым еловым подлеском. Пробираться на лыжах было трудно, во многих местах приходилось перелезать через попаленные ветром, уже гниющие деревья. Молодая еловая поросль согнулась в дугу под тяжестью снежных комьев, образуя в некоторых местах сплошную стену из хвои и снега.

Спущенная Дементием собака не шла впереди нас, а шагах в шестидесяти от берлоги и вовсе забастовала: урчала, поджимая хвост, вообще проявляла полное нежелание выполнять нашу волю. Шедший все время впереди Архип остановился и молча указал рукой на исцарапанный зверем еще с осени ствол ели и на поломанные ветки, от которых торчали одни основания; видимо, псе остальное было унесено зверем на подстилку в берлогу. Архип пропустил меня вперед.

Те, кто охотился на медведя в одиночку, знают, какое сильное волнение охватывает даже старого охотника в минуты, когда близко чувствуешь зверя, видишь признаки его пребывания. Ощущение это на этот раз усиливалось рассказами об исчезнувшем педелею назад Черныше, а тут еще густой лес: зверь мог появиться внезапно, буквально из-под лыж. Пропуская меня вперед, Архип шепнул:

— Сергей, надеешься ли на себя?

Я чувствую, как «мурашки» ползут от этого шепота Архипа, но киваю ему утвердительно головой и тихо обхожу его лыжи. Я стараюсь не производить шума и с ружьем наготове в руках тихо двигаюсь вперед, осматривая каждый шаг в указанном мне Архипом направлении. Архип идет за мной.

Сквозь мелкий ельник, в десяти шагах среди бурелома, вывороченная с корнем громадная ель протянула занесенные снегом корни и запрятала их в зеленых ветвях соседних деревьев. С трудом поворачиваю в густом лесу свои короткие лыжи по направлению к подозрительному вывороту. Делаю несколько шагов и ясно вижу теперь впереди утоптаный снег, маленькие и большие следы и длинные желтоватые застывшие собачьи кишки. Делаю несколько движений на лыжах влево. С юго-западной стороны выворота отчетливо на белой пелене снега вырисовываются: сначала изорванный труп собаки, а несколько правее, под стволом упавшего дерева, у корня кусочек буровой спины зверя. Еще несколько шагов — и снег, стряхиваемый мной с веток, будет падать туда — на зверя. Главное, сучки мешают наклониться влево, чтобы увидеть медведя.

Левой рукой ломаю мешающий большой сучок, который при этом сильно трещит, и сразу же слышу впереди себя, под выворотом, знакомое «вякание» медвежат. Мать, по-видимому, покинула их, готовая постоять за себя. Писк медвежат служит мне хорошим предупреждением. Хватаю опущенное ружье и в тот же момент вижу медленно вырастающего на фоне выворота зверя. Он велик и грозен. Медлить с выстрелом несколько секунд — значит пустить зверя на свои лыжи. Близость его позволяет сделать верный выстрел.

Зверь так же мягко, как подымался, начинает опускаться обратно. Из головы его выдавился комочек мозга.

В берлоге оказалось три маленьких медвежонка. По следам было видно, что медведица нагнала надоевшую ей злобную лайку и, убив ее, перенесла к самой берлоге. Рыхлый и глубокий снег не позволил рослой собаке увернуться от лап хищника. Архип держал на руках труп Черныша, и я видел, как из глаз охотника катились слезы.

Вечером пинюжанские кони весело мчали нас к станции. На лицах была радость. Лишь на лицо Архипа то и дело набегала тень. Разорванный медведицей Черныш, его верный товарищ, был потерян навсегда.

ВДОГОНКУ

Если успех охоты вдогонку сомнителен, то надежнее зверя обложить и взять при помощи облавы. Окладывание медведей требует опыта и умения. Идущий на лежку медведь делает петли, скидки, двойки и выпятки так, что и опытный окладчик не скоро разберется в них. Еще труднее обложить медведя по старым, запавшим следам, от которых на снегу остаются одни лунки.

Стрелки становятся по возможности около «пяты»⁸, сообразуясь с направлением ветра, формой оклада и характером местности. По наблюдениям Ширинского-Шахматова, пята, ведущая к лежке, должна смотреть на север; поэтому, по его мнению, если окладчик определяет положение пяты на восток, юг или запад, это значит, что за пята принята петля. Чтобы заставить медведя при глубоком снеге выйти на заранее выбранный номер, этот автор рекомендует от номера в глубину оклада прокладывать лыжню длиной до 50 м. От ее конца проводится другая лыжня, концы которой загнуты в оклад, так что по фигуре она напоминает дугу. Медведь, попав на дуговую лыжню, воспользуется ею и выйдет на намеченный номер. Медведь любит идти плотной чащей, ломом, густым лесом или моховым болотом со смешанным лесом. Потревоженный с лежки загонщиками медведь охотно идет в пята. Поэтому, если пята этого зверя смотрела на север, то следует встать на юг от берлоги, куда, вероятно, и направится зверь.

* * *

⁸ «Пята» — след зверя.

На десятки верст кругом раскинулась тайга. Здесь — последняя лесная деревушка. Дальше лесная дорога упирается в реку и как бы пропадает под крутым заваленным буреломом берегом.

Я охотился в этих местах всю осень, приобрел себе приятелей среди местных охотников и в конце зимы получил письмо с приглашением приехать на медвежью охоту.

В конце марта здесь еще царствовала зима. Молчали ручьи, глубина снега в лесу достигала метра.

На облаве все прошло так, как полагалось: медведь был выставлен на линию стрелков, но попались плохие охотники, и ружья их палили не в ту сторону, куда глядели глаза. Одним словом, медведя упустили.

Решено было на другой день охотиться «вдогонку». В компанию входили, кроме меня, еще четыре человека.

На следующий день наши собаки подняли зверя. Медведя мы ранили, и он, сбавив ход, стал кружить по лесной чаще. Преследуя раненого зверя, мы сильно увлеклись. Услышав приближение собачьего лая и стремясь перехватить медведя, я кинулся навстречу собакам, как вдруг из-за деревьев на меня налетел зверь. Я не успел поднять ружье от неожиданности, а медведь уже навалился всей тяжестью и обдал лицо горячим дыханием. Я почувствовал боль в ноге. В этот момент слышу лай собак и голоса подбегающих товарищей. Кричу им, но это у меня выходит плохо. Слышу — выстрел. Зверь оставляет меня и скрывается в ельнике.

Когда все собрались, то оказалось, что дело происходило так. Один из молодых охотников, Петр, «оробел» — где-то бросил свое ружье и теперь стоял перед нами безоружный. Это было неожиданно для всех, так как этот человек всегда считался смелым. Другой охотник, Иван, увидя медведя, тоже растерялся и взвел левый курок, а тянул за спуск правого. Третьего охотника, Михаила, и вовсе не было близко. Один лишь старый Никита, увидев зверя на мне, выстрелил в него, а подоспевшие собаки вцепились медведю в зад; это и спасло меня. Хотя раны, нанесенные мне зверем, были легкие и кости оказались целы, продолжать охоту в тот день было невозможно, и с помощью товарищей я выбрался в деревню.

Ночью раны болели и плохо спалось. На дворе шумел ветер, да взвизгивала во сне лежавшая под лавкой собака. Утром нога болела, и я не смог пойти в лес. Никита ходил один; вернувшись к вечеру, он сказал, что обошел медведя в кругу. На следующий день мне стало несколько легче, и я решил на правах инвалида походить по готовой лыжне сзади.

Медведь залег в густом ельнике, образовавшем стену из снега и хвои. От собаки он начал уходить и, судя по направлению лая, кружить по самым непролазным местам. На следу была кровь. Увидеть зверя в этот день никому не пришлось.

На третий день — тот же результат преследования. Зверь начал ходить нашими лыжными тропами, которые во многих местах выдерживали его тяжесть.

На четвертый день я едва волочил ноги. Лес стонал и скрипел от ветра, падал сырой густой снег. Весь лес был изрезан нашими лыжнями. Собаки лаяли теперь на чащу мелкого ельника, под погнутые снегом ветки которого забрался раненый медведь. Но едва

мы погрузились в недры этого ельника, как медведь опять кинулся наутек. У Никиты, к несчастью, сломалась лыжа. Пришлось устраиваться на ночлег. Ветер стих, прояснило. Мы сидели у ноды. Снег разгребли в стороны, подстлали еловую хвою. Сухостойное дерево хорошо горело, и нам было тепло.

Долго ночью продолжалась беседа о былых зверовых охотах. Вспоминали погибших в борьбе с медведем «дядю Ивана» и «дядю Николая». И чудилось после этих рассказов, что вот-вот покажется из темноты лобастая голова «топтыгина». Но по-прежнему тихо в лесу, на десятки вёрст раскинулась тайга. Свернувшись у ноды, мы проспали до утра.

К утру в природе совершилась резкая перемена. Подул южный ветер, потеплело, пошел снег, перешедший затем в дождь. О дальнейшем преследовании медведя нечего было и думать. От нас потребовался каторжный труд, чтобы, утопая на лыжах, к которым подлипали глыбы снега, только к вечеру, по компасу, выбраться на ночлег в деревню. Какими удобными, уютными показались нам после всего пережитого полати! В железной печке весело потрескивали дрова.

ВЕСЕННИЕ И ЛЕТНИЕ ВСТРЕЧИ С МЕДВЕДЯМИ

В марте среди дня солнце начинает припекать, в берлогу попадает капель и медведь начинает из нее выходить; теперь он середину дня проводит лежа на солнечной стороне около берлоги.

В средней полосе медведи начинают совсем покидать свои берлоги в первой половине апреля. Раньше выходят самцы, затем яловые медведицы и, наконец, медведицы с медвежатами. Покинув берлогу, медведи очень любят проводить время на солнцепеках и, пока в лесу снег, бродят на косогорах, в борах, сухих местах, где больше проталин. Это самое тяжелое, голодное для медведя время. С хорошими зверовыми лайками, зная местность, можно в это время добыть зверя. Можно поохотиться и на приваде. Чтобы медведь не уволок приваду, лучше прибить ее кольями, вбитыми в шею убитого животного, где более крепкие связки, или в грудь. Лабаз около привады должен быть устроен со всеми предосторожностями и быть незаметным.

Щепки, сучки и все, что может остаться после постройки лабаза, следует убрать, так как зверь, по-видимому, запоминает расположение предметов и каждый новый предмет пугает его. Напрасно проведенные на лабазе ночи не должны истощить терпение охотника. Нужно продолжать сидеть, так как иногда медведь приходит к приваде с промежутками в две-три ночи, а иногда и больше.

При наличии лошади хорошо подъехать к лабазу верхом, с тем чтобы проводник затем увел лошадь.

Небесполезно бывает «отвести след». Для этого подходят вдвоем, а затем один остается на лабазе, а другой проходит дальше и возвращается домой.

Весна — не осень, ночи коротки и светлы, и голодный медведь может придти на приваду в любое время. Весенний лес полон звуков, и среди них шорох, производимый подходящим медведем, может остаться незамеченным. Зверь может появиться неожиданно. При появлении медведя охотник не должен горячиться, хвататься за ружье, ерзать, а, напротив, должен сидеть тихо и, только выбрав подходящую минуту, стрелять.

Среди медведей попадаются особи, поразительно доверчивые. Охота на такого зверя легка. Еще солнце не ушло за горизонт, не стих шум в соседней деревне, а зверь уже идет на приваду, не останавливаясь, не прислушиваясь. Тут разговор короток. Другие (а их громадное большинство) более осторожны. Эти звери сначала идут к приваде смело, но шагов за сто начинают прислушиваться, кружить, нюхать и только, если ничего не заметят, появляются на приваде. С таким зверем борьба труднее. Иногда попадаются такие медведи, которые способны сбить с толку самого опытного охотника. Такой зверь может и не появиться на приваде повторно. На овсе такой медведь появляется сегодня тут, завтра за тридевять земель, а то несколько ночей и никуда не пойдет, отлеживаясь в глухом болоте. Немало ночей потребуются, прежде чем охотник сможет увидеть такого зверя. Малейшее неосторожное движение — и медведь исчезнет в темноте. Такие медведи, если и приходят на приваду, то в самое темное время, и еще до света уходят. Даже выглянувшая луна заставляет его уходить из освещенной полосы.

* * *

Привада была выброшена в перелеске, где елки, березы, осины и рябины уживались в согласии и сообща охраняли всяких мелких зверушек и птичек. Позади этого перелеска поднималась глухая утрюмая рамень с мохнатыми елями, вывороченными корнями и гниющими древесными стволами, переходящая далее, в глухое болото.

Медведь побывал на приваде и уничтожил добрую половину туши крупного жеребенка. Надо было садиться караулить зверя, иначе от привады ничего не останется.

Шорох шагов моего проводника, отводившего след, мало-помалу затих, и я остался один. Весенний вечер угасал. Журчали ручьи. На березках и осинках начинали распускаться почки. В низинах еще лежал сырой снег, а на солнцепеке и пригорках уже было сухо. Протянул первый вальдшнеп. Заяц бесшумно пробежал под лабазом. Где-то забормотал тетерев. Высоко над лесом, свистя крыльями, пронеслась утиная стайка. В соседнем болоте шваркнул селезень.

В глубине рамени затрещали встревоженные сойки. Их крик заставил меня насторожиться. Прошло минут пять, и сильный треск раздался на краю высокого ельника. Счастье шло прямо ко мне. Я слышал стук своего сердца.

Однако этим звуком все и кончилось. Сколько я ни напрягал слух, больше ничего не было слышно. Шли минуты. Усиливался вечерний сумрак, поднялся туман. Сотый раз оглядывал я окрестность и ничего не видел. И вот... на краю рамени увидел стоящую на дыбах медведицу. Два медвежонка бегали вокруг нее. Расстояние не позволяло сделать верный выстрел из гладкоствольного ружья круглой пулей. Потянулись мучительно долгие минуты. Скорее бы подошли поближе! Из-за леса появилась луна. Один из медвежат подбежал к приваде и в шести метрах от меня начал пожирать мясо. Медведица оставалась далеко сзади. Как быть: стрелять медвежонка или ждать медведицу?.. В это время на проходившей невдалеке лесной дороге загрохотала телега. Медведица, а за ней и медвежата исчезли в лесу, удаляясь мягкими прыжками.

* * *

Под горячими лучами весеннего солнца таял последний снег. Повсюду шумели ручьи. Тока и тяга были в самом разгаре.

Мне сказали, что около привады в капкан попался медведь. Мы отправились на охоту втроем. Едва мы забрались в чащу, как слышали треск сучьев и лязг железа. Эти звуки стали от нас удаляться. Стремительно преодолевая препятствия, пробирались мы в чаще, чтобы не потерять уходившего от нас зверя. Я выбежал на маленькую полянку и вижу: мой сосед, новичок в этой охоте, бежит назад, а в сотне шагов от него тяжело бежит «мишка» с капканом на передней лапе. Сзади, задерживая его ход, тащится на цепи увесистая чурка, прикрепленная к капкану. Выбрав момент, я выпустил в медведя две пули, но он только ускорил свой бег и скрылся в зарослях ельника. На другой стороне этой заросли лес был реже, и мы вновь увидели медведя. Нам удалось приблизиться к нему на расстояние выстрела, но мое ружье дало две осечки, а после них картонные гильзы, смоченные дождем, застряли и не вылезали из патронников. Соседи сделали по выстрелу, но промахнулись. Вдруг точно какая-то невидимая сила подкинула «мишку» кверху, он рывкнул и, прижав уши, бросился к нам, ломая сучья и лязгая железом капкана. Зверь был доведен до бешенства. Нападение было столь внезапно, что каждого из нас невольно бросило в дрожь. На наше счастье смелый пёс Серко, вначале отскочивший в сторону, теперь повис на медвежьем зад. Почувствовав собачьи зубы, медведь круто повернулся назад и с ревом кинулся на собаку. Все это происходило в нескольких шагах от нас. Мои смокшие и разбухшие патроны так и не вылезали из ружья, а товарищ мой, когда зверь пробежал в пяти шагах от него, наконец, выстрелил. Медведь с ревом осел на месте. С его носа закапала кровь. Серко ожесточенно теребил медвежий зад.

Мы долго не могли прийти в себя. Когда, наконец, с медведем все было кончено и туша его лежала в луже весенней воды, смешанной с кровью, обнимали Серко — собаку, спасшую кому-то из нас троих жизнь.

* * *

Вечером в начале мая пошел я на тягу. Снег остался только в лощинках. Было сыро. Ноги вязли в оттаявшей земле. По краю болот уже цвела калужница, окрашивая всё в желтый цвет. На березках набухли почки. Но листьев еще не было. Пахло весной. Птички неугомонно, на разные голоса перекликались, свистали, щебетали, чирикали, ворковали. Это был гимн ликующей природы, песнь о радостях и о победе вечно обновляющейся жизни.

Перед крупным елово-сосновым насаждением я обнаружил свежеразрытый муравейник и рядом разрытую болотную кочку. В то же время я увидел, как какой-то бурый комочек лезет вверх по стволу елки. Два медвежонка взбирались по стволу дерева все выше и выше. Внезапно шагах в двадцати из-за дерева показалась крупная медвежья голова, послышался рев, и голова исчезла в еловой заросли.

Я перезарядил ружье пулей и встал под деревом, на котором сидели медвежата. Медведица показалась вновь и снова быстро и с ревом исчезла. Медвежата порывались спуститься вниз, но я не допускал этого, постукивая по стволу дерева и потряхивая его. Это продолжалось десять-пятнадцать минут, которые в подобных случаях кажутся часами. Наконец, медвежатам, видимо, наскучило сидеть на дереве, и один из них издал звук, похожий на глухой лай собаки. Вероятно, этот звук был воплем о спасении, так как затаившаяся где-то медведица прямо побежала на меня. Шагов за десять она

остановилась. Маленькие зеленоватые глаза ее выражали злобу. Медлить было нельзя. Я прицелился и выстрелил два раза один за другим. Медведица заревела, завертелась на месте и затем упала мертвой. Она оказалась весом 100 килограммов. Затем добыты были и медвежата, успевшие забраться на вершину ели.

Замолкли песни певчих птиц, вдали, хоркая, протянул первый вальдшнеп, за ним прямо надо мной протянула еще пара. Я сидел на туше убитой медведицы и не хотел больше стрелять.

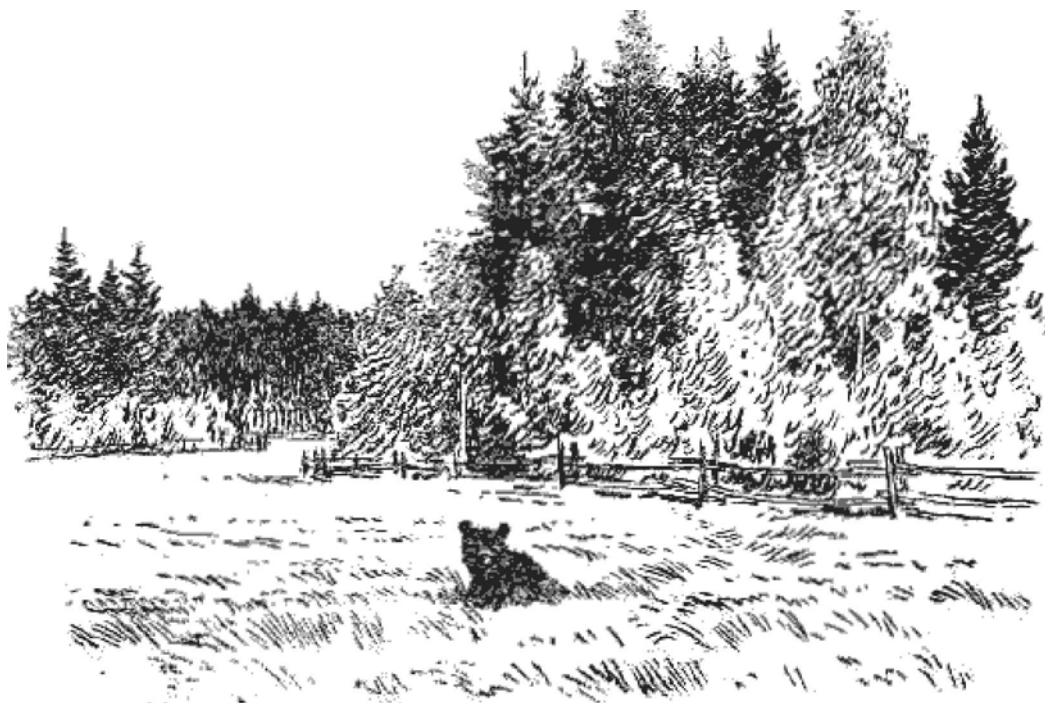
* * *

В конце мая, едва выпустили скот в поле и лес, как медведь задрал корову. Пастух рассказал, как было дело. Медведь, шатаясь по лесу, наткнулся на стадо. Коровы тревожно замычали и стали наступать на медведя, как они это делают при виде собаки. Одна из них близко подошла к медведю. Он кинулся на корову, вскочил ей на шею, а прочие коровы бросились врассыпную.

Известно, что, раз попробовав коровьего мяса, медведь становится «стервятником» и в дальнейшем сам нападает на стадо. Чем больше он пробует мяса, тем больше оно ему нравится. «Стервятники» могут нанести большие убытки животноводству. Такой медведь ищет стадо, подкрадывается к намеченной жертве, стремительно кидается на нее, громадными скачками гонится, хватает зубами за шею или спину, а когтями — за лопатки или грудь и валит корову. Если медведь мал, а корова велика, то он «едет» на ней, цепляясь лапами за стволы деревьев, пока страшные раны и кровотечение не обессилят жертву. Убив корову, медведь пожирает часть своей жертвы и, если кругом спокойно, близко нет дороги, не слышно шума, нет вблизи людей, оставляет тушу и уходит в ближайшее болото на отдых, а когда проголодается, приходит вновь ночью. Иногда зверь переносит тушу убитой коровы за сотни метров и закладывает мхом, листьями, валежником, хворостом. Один раз около деревни Афонины я был свидетелем того, как медведь перенес тушу убитой коровы через глубокий ручей по бревну, на дыбах, перетаскивая этот тяжелый груз передними лапами. Если медведь видел человека при своем грабеже, то он может вернуться к оставшейся туше через 5—6 дней, а иногда может и вовсе не прийти.

Задранная медведем корова на этот раз лежала в редком березовом лесу. Трава кругом была помята, кусты сломаны. Вымя и часть зада коровы были съедены. В тот же вечер я сел на лабаз. Медведь не был у туши три ночи. От мяса стало пахнуть, и я уже подумывал — не бросить ли утомительное ночное времяпрепровождение на лабазе. На четвертый вечер тихим шагом ночного вора подошел медведь. Удачный выстрел уложил хищника на месте...

Летом на медведей можно охотиться при посещении медведем пасеки, при случайных встречах в лесу и в малинниках, а на севере в жаркое время и при изобилии комаров можно стрелять медведей около лесных речек. Зверь ищет спасения в воде, охотник пользуется этим и высматривает зверя, пока легкий челн бесшумно плывет вниз по реке.

НА ОВСАХ В ЗАЛЕКОМЬЕ

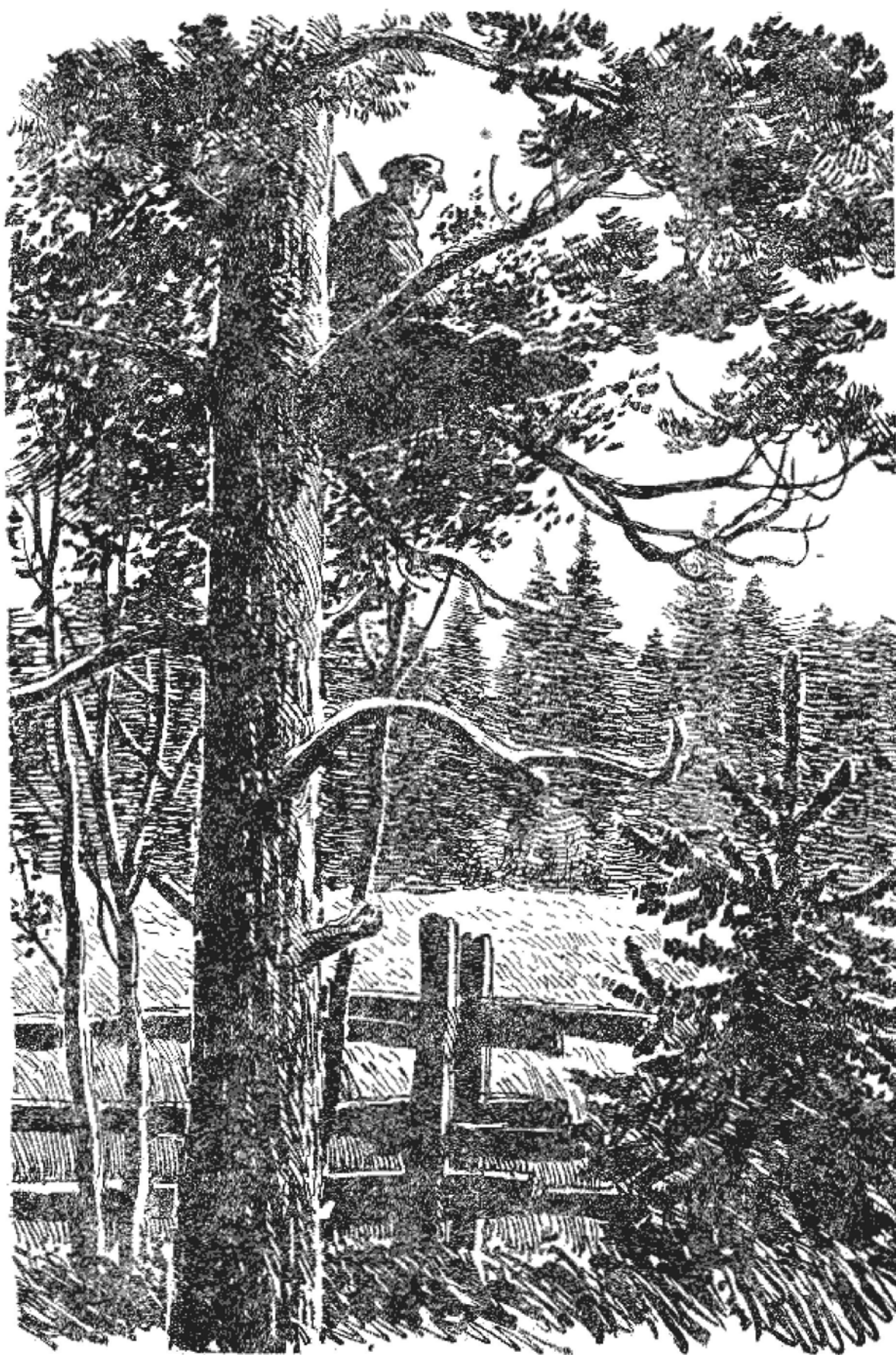
При охоте на овсах устраивается лабаз или «полати» на высоте, не превышающей вершин мелколесья, которые надежно укроют охотника. В среднем высота лабазы колеблется от 2 до 4 метров. Зверь меньше чувствует запах человека, сидящего на лабазе, да и оглядеть зверя сверху, когда станет темно, легче, чем с земли. Более высокие лабазы неудобны. Я знавал одного охотника, который при дневном свете смело уходил в поле караулить медведя и садился на лабаз 2 метров высоты. По мере наступления темноты его «брала жуть» и он начинал взбираться все выше и выше по стволу дерева и к рассвету добирался до вершины. Чтобы не упасть вниз, этот охотник привязывал себя ремнем к стволу дерева.

Если характер леса не позволяет устроить лабаз, можно соорудить шалаш, выбрав для него густой куст, в котором может поместиться охотник. Изнутри шалаш полезно обложить можжевельником, еловым или пихтовым лапником, запах которого отбивает запах человека. Снаружи шалаша эти ветки класть не стоит, так как этим создается более темное пятно, на которое медведь обратит внимание.

Приходится учитывать направление ветра, которое может нанести запах человека в сторону леса, откуда ожидается медведь.

Возможно караулить медведя, сидя прямо на пне, куче камней или просто на земле; но опасность, что раненый зверь может броситься на охотника, в этих случаях больше.

При случайной встрече с человеком медведь обычно убегает. Медведица с медвежатами иногда становится на дыбы, «пугает и плюется», как говорят про нее охотники, стремясь защитить медвежат. Маленькие медвежата не всегда быстро убегают от человека, как это делают уже подросшие. Я знал одного охотника, который осенью на лесной тропе внезапно повстречался с медвежьей семьей. Медведица, хотя и не тронула его, но долго ходила вокруг на дыбах, так как маленькие медвежата не хотели убегать, фыркала и плевалась.

Если в лесу много полян, засеянных овсом, и заранее нельзя узнать, куда выйдет медведь, можно на некоторых из полян, если это не может вызвать лесного пожара,

разводить тлеющие дымные костры из гнилых пней. На окуриваемые поля медведь не пойдет.

Надо помнить, что осенний сытый зверь очень осторожен.

Одно неосторожное движение или хрустнувшая ветка — и громадный зверь нестреляным исчезает. Поэтому при охоте следует тщательно учитывать все мелочи.

Не каждый медведь прямо и смело подходит к овсу. Нередко он издали обходит поляну кругом (**рис. 3 и 4**) и, наткнувшись на след охотника, к овсу не пойдет.

Однажды около Микшура медведь около двух часов стоял за моим лабазом, вслушиваясь в тишину ночи. Я хорошо слышал, как он подошел сзади, остановился, втягивая в себя воздух и водя чуткими ушами, и долго-долго стоял, прежде чем перепрыгнуть осек⁹. В течение этого времени, показавшегося мне вечностью, я ни разу не пошевелился и благодаря этой выдержке убил зверя в ту же ночь.

Медведь любит ходить на овес и к падали по лесным дорогам и тропам. Если где-либо на такой тропе случится обнаружить следы зверя, ведущие туда и обратно, то можно караулить его на избранном им пути.

* * *

Стояла дождливая осень. Только к сентябрю стали желтеть овсы и можно было отправляться на охоту. За Лекмой, по среднему течению реки Летки, на полях небольших лесных деревушек наливались сладкие овсы. Большие площади овса были испорчены медведями. Несмотря на это, неудача в ту осень преследовала нас, охотников на медведей.

Иваньковский поселок затерялся среди болот и лесов. Отдаленные от жилья полосы овса были сильно примяты. Первая ночь охоты на овсе была неудачной. Дождь, не переставая, лил всю ночь, шумела рамень от порывов холодного ветра. Медведь не появлялся. На вторую ночь медведь вышел из леса на другом конце поляны, было темно, и мы слышали только его чавканье. На третью ночь мой приятель Яков стрелял зверя, но промахнулся и отпугнул медведя от поля.

Пришлось перейти в деревню Микшур, где на овес ходил другой медведь. Овсяное поле было большое и примыкало к полосе лесов, уходивших через реку Летку на север. Первые три ночи мы не видели зверя, хотя он каждую ночь приходил в овес. На четвертую ночь медведь вышел к Якову еще засветло, но Яков не успел выстрелить, как медведь ушел.

Присутствие неосторожных охотников на овсяном поле может сорвать успех охоты. Так было с нами на пятую ночь. Когда мы с Яковым сидели в овсе и зверь уже подходил к полю, по дороге из Микшура показались два охотника с ружьями. Они сели на лабаз недалеко от нас, громко разговаривали, а когда стемнело, на лабазе вспыхнули два огонька от закуренных «собачьих ножек». Не оставалось ничего другого, как уйти в деревню. Тропинка проходила через ржаное поле соседней деревни. Кругом было темно — зги не видно. В поле что-то сильно зафыркало и побежало в лес. Утром один большой и три маленьких следа выдали пребывание медвежьей семьи, видимо, искавшей овсяное поле...

* * *

⁹ «Осек» — изгородь, отделяющая поле овса от леса.

Рис. 4. Ход медведя на овес

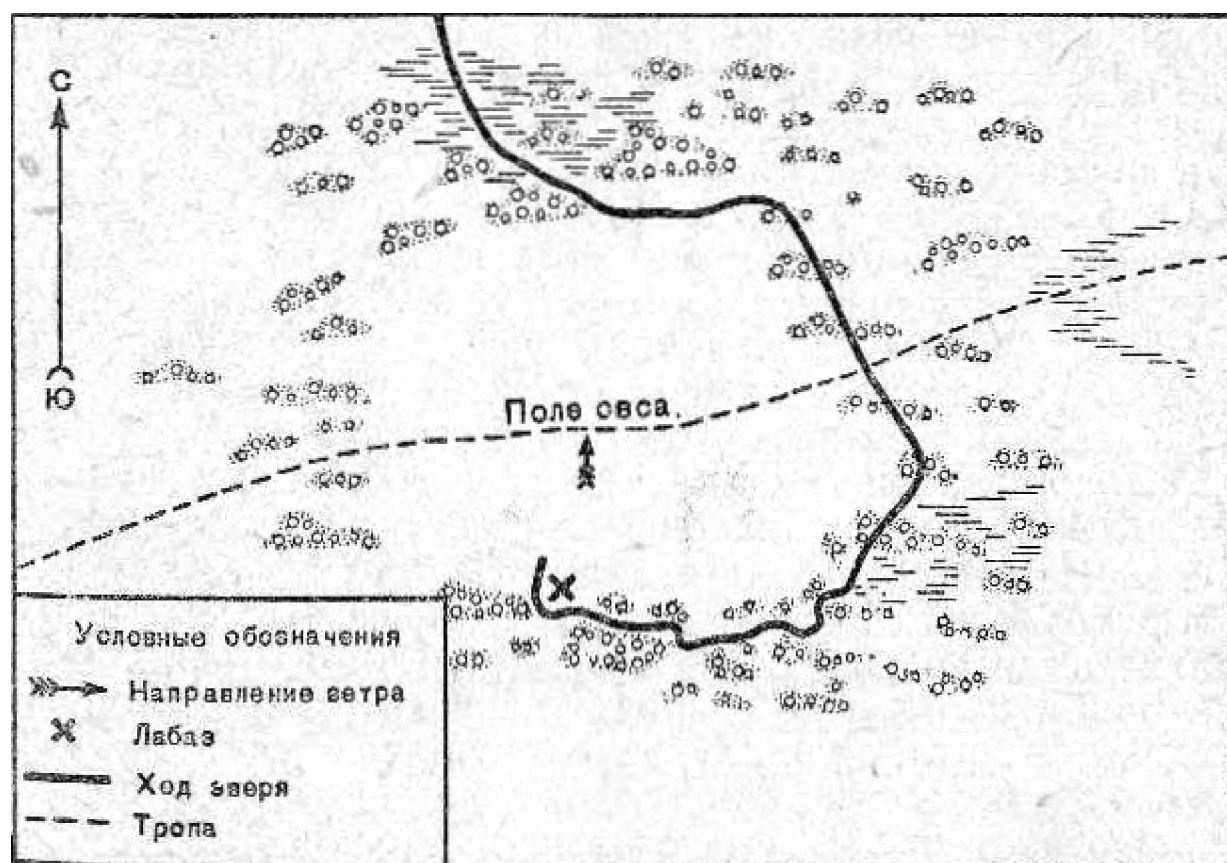

Рис. 3. Ход медведя на овес

Была вторая половина августа, погода стояла прелестная. Дни были жаркие, а ночи лунные, светлые и тихие, как осенью редко бывает на севере. Овсы наливались. Поля, засеянные овсом, глубоко вдались в рамень. Пока народ спешит с уборкой хлебов в ржаном поле, медведю в овсе будет полное раздолье! Вчера еще цел был овес, а сегодня он уже оказался примятым. Как будто тяжесть какую-то протащили по полосе, испортив тысячи созревающих овсяных колосьев. Целый еще вчера, осек сегодня оказался со сломанной верхней жердью, не выдержавшей тяжести крупного зверя, который ночью выходил из леса.

Я определил место, где лучше выстроить лабаз. Опыт прошлых охот подсказывал, что лучше пропустить следующую ночь без засады.

Ночью медведь пировал на поле. Это было хорошо видно утром, на новой сильно помятой полосе. В борозде, на песке, были видны ясные отпечатки лап крупного зверя. По крайней мере 80 килограммов овса можно было бы нажать на месте, где две ночи пировал медведь. На третью ночь нужно было садиться его караулить.

Долго тянутся часы ожидания. Уже давно в стволах вычищенного ружья не осталось порохового налета, запах которого мог бы испугать чуткого зверя, давно одежда и обувь натерты веточками пихты, а солнце все еще высоко.

В пять часов вечера я был на своем лабазе в углу овсяного поля. В полуторах километрах от меня виднелась деревня. На овсяном поле протекала своя, особенная жизнь. Два полевых луны чувствовали себя здесь хозяевами и бесшумно летали над овсом, высматривая добычу. Крупные дрозды-рябинники суетились позади лабаза, около немногочисленных лиственных деревьев. В овсе раздавался писк полевок. Дальше в тайге казалось совсем тихо: оттуда не доносилось ни звука. Надоедливые комары тучами окружали меня и, пользуясь моей неподвижностью, нещадно сосали кровь. С этой неприятностью надо было мириться, иначе не видать медведя как собственных ушей. Я знал это по опыту и сидел тихо, не двигаясь. Сидеть неподвижно в неудобной позе да еще в окружении комариных туч не особенно приятно. Но что поделаешь: почетное в охотничьей семье звание зверового охотника достается недаром!

Чем больше начинало темнеть кругом и чем длиннее ложились от леса тени на края овсяного поля, тем становилось тише. Прекратился окончательно тихий шелест листьев на немногочисленных осинах, смолкли дрозды, и лишь писк мышей в овсе стал в наступившей тишине громче и отчетливее. Несколько раз мигнул свет на горе и потух, в последний раз на Микшуре пролаяли собаки. Чувствовалось, что деревня уснула. Стало совершенно тихо и так темно, что и под лабазом не видно. Луна как-то несмело выглянула из-за леса, да сразу же и спряталась за тучку. Теперь ещё медленнее, кажется мне, ползет время, так как чувствуешь, что если выйдет медведь, то это будет скоро, и мысль: каково-то будет это первое ныне свиданье? — сверлит мозг.

Часы со светящимся циферблатом показывали половину десятого, когда в глубине тайги, в той стороне, где ельники особенно высоки и густо заросли снизу папоротниками, что-то треснуло, как будто сломалась сухая ветка, и сразу снова стало тихо. Я уже знал, что означал этот треск, и замер, сильнее прильнув к стволу дерева на лабазе. Сердце часто и сильно колотилось в груди. Еще раз хрустнул сучок, теперь уже ближе. Треск повторился, и теперь ясно можно было различить в лесу чьи-то легкие шаги, которые медвежатники называют «почикиванием». Слышно, как медведь прошел совсем близко от меня позади лабаза и, не делая обычного обхода поля, без предосторожностей перепрыгнул через осек, уронив верхнюю жердь. Темный силуэт его черной точкой

маячил теперь в пятнадцати метрах от меня около овса. Через несколько секунд черная точка двинулась к овсу и послышалось чавканье. Вот тут и случилось то, чего не должно было бы случиться, из-за чего охотник обычно после готов рвать на себе волосы, ругая себя за недостаток выдержки и отсутствие терпения. Как только послышались первые звуки медвежьего чавкания, я тихо начал доставать ружье, лежавшее рядом на лабазе. С точки зрения человека я проделывал это очень тихо, ничем не стукнул. Я уже считал зверя, находившегося так близко от меня, своей добычей; руки мои медленно и осторожно, чтобы не зацепить за сучки, подтягивали к плечу ружье, а глаза не отрывались от фигуры зверя. Вдруг медведь легким прыжком очутился у осека, и сильный удаляющийся треск известил меня о полной неудаче этой ночи. Ясно, что медведь уловил мои «бесшумные» движения на лабазе, и они спугнули его с овса. Но какой же из органов чувств мог подсказать медведю о близком присутствии опасности? Неужели тех колебаний воздуха, которые были произведены движениями ружья, было достаточно для того, чтобы привести в раздражение орган слуха медведя? На эти вопросы я так и не сумел себе ответить.

Правда, надежда на удачу не пропала совсем: впереди будут новые ночи...

* * *

Садиться караулить медведя прямо в овес удобно тем, что зверь меньше чует сидящего в овсе человека; но зато охотник, сидящий в густом овсе и руководствующийся только слухом, не видит, что делается вокруг, и часто упускает удобный для выстрела момент. Это может подтвердить случай, происшедший на охоте в урочище Ежова.

Вокруг Ежова урочища было много лесных вырубок, кое-как подчищенных, на которых сеяли овес. Все они были сильно примяты зверем. Чтобы отпугнуть зверя от полей, на многих из них мы разожгли дымокуры или оставили пахнущие человеком предметы, а сами сели в овес, длинной и узкой полосой подходивший к рамени. К вечеру подул ветер и пошел дождь. За шумом деревьев, шелестом овса и порывами ветра я не слышал, а сидя в овсе не мог и видеть, как медведь в шести метрах от меня перелез осек и подошел на такое расстояние, что вытянутые стволы моего ружья могли коснуться его. Тут он увидел меня и одним скачком бросился обратно в лес. Услышав треск осека, я вскочил, но было уже поздно, только на миг мелькнула черная фигура зверя... То же случилось и на другом конце поляны, где сидел мой товарищ. Если бы мы сидели не в овсе, мы вряд ли упустили бы зверя.

* * *

Начинало казаться, что и вторая осень может закончиться неудачей. Я решил отказаться от излюбленного способа караулить медведя на лабазе и попытать охоту с подхода, скрадом. Осенние лунные ночи настолько длинны, что можно обойти значительные площади посевов. Я решил попытать этот способ на тех полях, где нет других охотников, которые могли бы в темноте подстрелить меня (или я их), вместо медведя.

Однажды ночью при полной луне я тихо пришел на дальний овес. Ничто не нарушало торжественной тишины ночи. Мрачный лес со всех сторон обступил поляну и, казалось, хранил в себе какие-то тайны.

Долго я неподвижно стоял, всматриваясь в овсяное поле. Слух мой уловил шелест овса. С опушки прямо ко мне двигался какой-то темный предмет. Теперь я уже слышал, как

медведь срывал овес и чавкал. Было немного жутко одному, ночью, рядом со зверем. Шагов за двадцать до меня «мишка» повернулся ко мне боком, я выстрелил. Медведь заревел и завертелся на месте. Когда дым от выстрела рассеялся и эхо перестало грохотать по тайге, я увидел убегающую фигуру зверя. Было заметно, что бежит он плохо. На опушке леса он поднял сильный треск, и я подумал, что он ткнулся в какой-нибудь лом. Преследовать раненого зверя ночью я не решился и вернулся в деревню. Мне не спалось.

С рассветом я уже был на овсяном поле. Собаки нашли медведя мертвым в полусотне шагов от опушки. С доставкой туши медведя оказалось много хлопот. Лошадь никак не хотела подходить к убитому зверю. Когда ее удалось подвести с надетым на голову мешком и уложить тушу на телегу, лошадь помчалась так скоро, как только могла, и очень быстро довезла необычный груз в деревню.

ПО МЕДВЕЖЬИМ СЛЕДАМ В АВГУСТЕ

Лето подходило к концу. Уже поспевала рожь, появились грибы, созрела малина. Полосы овса начинали отливать золотом. Жил я в то время в районе, где овес сеяли на полянах среди леса. Все свободное время проводил я тогда на охоте. В соседней деревне жил опытный охотник Владимир, с которым породнила нас охотничья страсть. Много счастливых дней провели мы с ним на медвежьих охотах.

На охоту лучше отправляться несколько раньше того времени, когда медведи начнут ходить в овсы.

В конце июля овес был еще везде зеленый, но я решил в этом году захватить первый приход медведя в овес. Когда я подошел к овсяному полю, то оказалось, что медведь успел опередить меня. Овес оказался кое-где помятым. Топора со мной не было, и я решил, не устраивая лабаза, покараулить зверя на земле. Вечер был дождливый. Я встал в углу овсяного поля около кудрявой березки, замаскировавшись ее ветвями. Было тихо. Когда дождь перестал, стало слышно, как падали на землю с листьев березы капли воды. Стемнело. Вдали, шумя крыльями, пролетела какая-то птица. Медленно тянется время, напряжены слух и зрение. Вдруг, шагов за сто от меня, на краю болота, фыркнул медведь и, топая, как лошадь, убежал в лес. Когда стало совсем темно, я ушел с поля в стоявший неподалеку сарай, где, зарывшись в сено, проспал до утра.

Через день я вновь пришел к овсу, сделал лабаз и вечером устроился на нем. Надвигалась темная грозовая туча. Все ближе и ближе гремел гром и блистала молния. Однако туча прошла стороной, только краем задела поле, и начавшийся было ливень скоро прекратился. Стало тихо. Облака плыли по небу, и временами, когда они закрывали луну, делалось темно. Часов в одиннадцать вечера я заметил отделившееся от леса темное пятно, которое приближалось к моему лабазу. Это был медведь; временами он останавливался, и за шелестом овса слышно было его чавканье. Шагах в тридцати от меня пятно стало неподвижным — зверь остановился. Медлить было нельзя. Может быть, он увидал меня в виде такого же темного пятна, каким он казался мне, а может быть, учуял

запах человека. Тихо поднимаю ружье, но из-за темноты не вижу не только мушку, но и концы стволов. Решаюсь стрелять без мушки, надеясь на привычку к ружью, на вскидку. Громыкает выстрел, столб огня пронизывает темноту. Слышу, как сильно рявкнул зверь, несколько раз повернулся на месте и ушел в лес. Я слез с лабаза и зажег бересту. На земле было много крови. Значит, зверь ушел тяжело раненый.

Стал накрапывать дождь, он усилился и шел до самого утра. Дождем смыло все следы зверя и его кровь. Поиски раненого медведя с собаками на следующий день оказались напрасными.

Лето в тот год было жаркое, мелкие ручьи пересохли, и вода в окрестности сохранилась только в одной яме. Предполагая, что раненый медведь, испытывая жажду, пойдет к воде, мы направились к этой яме. Наши предположения оправдались. Тяжело раненый зверь бросился именно к воде и здесь лежал уже мертвым.

Посещение медведями овса находится в тесной зависимости от урожая ягод в лесу, главным образом малины, черники, брусники и рябины. Иногда медведь вовсе не показывается на овсе. Присутствие зверя можно обнаружить, случайно столкнувшись с ним в лесу или по разрытым муравейникам.

На овсы медведи начинают выходить с первой половины августа. Лучшее место для этой охоты — отдаленные деревни, вокруг которых на десятки километров тянутся лесные болота; овес в таких местах сеют на вырубках. Охотнику необходимо обойти овес кругом. Медведь начинает есть овес с самых глухих углов поля, на полосах, концы которых спускаются к лесу. Встречи с человеком зверь всячески избегает и, случайно встретившись с ним в овсе, убегает. Обнаружить посещение медведем овса легко по тем следам, которые он оставляет на поле. Похожи они на примятые борозды, как будто волокли по овсу тяжелый мешок. Медведь, занятый сосанием овса, ползает по нему, и по ширине оставляемых «борозд» можно судить о величине зверя. Посещение медведицы с медвежатами можно определить по количеству спутанного овса, так как медвежата путают овес, бегая по нему.

Бывает, что люди принимают посещения овса лошадьми или лосями за посещения медведем. Однажды мне пришлось пройти понапрасну около восьмидесяти километров до Данилова починка, откуда сообщили, что овес «мнет» медведь. Каково же было мое неудовольствие, когда оказалось, что овес помят выходившими в поле лосями, что было ясно видно по следам и по калу. В другом случае на поляне вблизи деревни Баталы след действительно ходившего на овес медведя был принят за следы коров, и неопытные охотники вернулись обратно в деревню, а спустя час после их ухода медведь снова был в овсе.

Внимательный и мало-мальски опытный глаз всегда различит следы пребывания медведя. Медведь обсасывает овес, а все другие животные скусывают его. На отдаленные лесные поляны медведь выходит рано, иногда даже среди дня, и садиться караулить зверя в таких местах следует не позднее четырех часов пополудни. На поля вблизи деревень зверь выходит позднее, чаще всего между восемью и одиннадцатью часами вечера.

Позднее полуночи на овес выходит только очень осторожный или пуганый зверь. Охота на такого медведя трудна и редко бывает добычлива. Про такого зверя говорят: «охотник с поля, зверь в овес». Бывает и так: закроется набежавшей тучкой луна, и слышно, как медведь или медведица наслаждается овсом тут же, вблизи лабаза. Как ни

всматривается охотник в темноту, — ничего не видно. А выйдет снова луна, осветит поляну — зверя как не бывало, и слышно только потрескивание в лесу.

Медведица, посещающая овес с медвежатами, выходит позднее. Медвежата, еще не знающие опасностей, выбегают на овес первыми. Медведице, зачуявшей человека, больших трудов стоит увести свою семью в глухое болото.

Часто именно так и бывает: не успеет молодой зверь набраться опыта и где-нибудь нарвется на охотника.

Был такой случай. Охотник, возвращавшийся августовским вечером с охоты за дичью, повстречался на тропинке с медведицей, при которой были три медвежонка. Не желая вступать в единоборство, он бросил шомпольный дробовик 32-го калибра и сумку с убитой дичью на земле, а сам скоренько влез на дерево. К его вещам подошла медведица и унесла и сумку и ружье в лес; очевидно, она зарыла их в хворост, потому что эти вещи так и не нашли. Когда мы через месяц пришли в те места, чтобы караулить ходившего в овес зверя, то крестьяне шутили, что медведь скорее нас подкараулит, так как ходит сам с ружьем.

Сидеть на овсе надо тихо, между тем, комары в августе способны привести нетерпеливого охотника в отчаяние. Иногда легкий ветерок отнесет комариную тучу, легче вздохнет охотник, но не надолго. Вновь станет тихо, и снова — назойливая песня и укусы бесчисленных комаров.

Подходя к лабазу, надо стараться не проходить вблизи леса, так как след долго сохраняет запах человека.

В вечерних сумерках подходящего к овсу человека легко принять за зверя. В Тамышовских поселках, обходя поздно вечером поляны с овсом, мы с товарищем слышали, как кто-то грузно бросился бежать из овса к лесу. Время и место были до того подходящими, что два едва видных темных силуэта были приняты нами за медведей, и в тот момент, когда палец готов был нажать на спуск, один из предполагаемых медведей вдруг крикнул человеческим голосом.

В ту же осень едва не был убит охотник, подходивший ночью из лесу к овсу позади лабаза, на котором сидел другой охотник.

* * *

Лето 1938 г. стояло жаркое. Хлеба спели раньше времени. В конце июля уже кончали убирать рожь. Крупный лесной массив уходит в обе стороны от овсяного поля деревни Кузнецово. Овес стоял уже пожелтевший.

31 июля в одном из глухих углов поля, спускавшегося к лесу, появились следы медведя. Лабазы были построены в тот же день. Утром 1 августа в другом углу поля мы обнаружили новое ночное посещение овса медведем.

В пять часов вечера мы были на овсе. Вечер был тих. Солнце медленно опускалось за вершины елей. Делалось все темнее и темнее. В лесу сорвался глухарь. Через несколько минут в той стороне, где сидел другой охотник, треснул осек. Тишину ночи прорезал звук выстрела, вслед за которым послышался рев зверя. Бегом спешу туда. Приятель встречает возбужденный и рассказывает, что раненый зверь ушел через осек. Решаем, что преследовать его в темноте неразумно. Разложили огонь, а третьего охотника послали домой за собаками. Медленно тянется темная августовская ночь. Хочется, чтобы скорее

прошла она. чтобы скорее можно было начать преследовать раненого зверя. К утру приехал Валерий с собаками, привез белую лайку Ветку и гончего выжлеца Заливая.

Едва забрезжило утро, были спущены по кровавому следу собаки. Кровь на следу тянулась до болота, а там исчезла. Зверь ушел легко раненый, и надежда увидеть его начинала ослабевать. Решаем все же пройти все глухие болота, имевшиеся вблизи. Час, другой проходит в безрезультатных поисках. Приподнятое настроение сменилось усталостью. Вдруг раздался характерный лай Заливая; так он лает только на медведя и на чужого человека. Но человеку нечего делать в этом глухом, непролазном болоте. Бежим на лай, который начинает удаляться. К гону присоединилась Ветка. Гонят жарко. А медведь избирает для хода самую густую чащу. Трудно бежать по густо поросшему мелочами кочковатому болоту. Но вот на более чистом моховом болоте я увидел крупного медведя, осаждаемого собаками. Раздался выстрел. Зверь рявкнул, кинулся на охотников, но, энергично взятый собаками за «гачи», уменьшил ход. Рвут слабеего зверя собаки, он кидается на них, и это дает возможность выиграть время и стрелять медведя близко, уже наверняка. Последний выстрел, и мы с трудом отрываем от крупного зверя впившихся в него собак.

Вспоминается еще случай, показывающий, как необходимы и важны хорошие собаки на медвежьей охоте.

Едва успели сжать и убрать овсы, как мне стало известно, что крупный медведь «завалил» корову около Коровкинских хуторов. Двое жителей этих хуторов слышали, как около 10 часов темного августовского вечера ревела в лесу корова, но не придали этому значения. На утро случайно наткнулись на тушу убитой медведем коровы, часть которой медведь утащил метров за 200 в лес и закрыл хворостом. Караулить медведя на туше не пошли: ночи были слишком темны. Днем проверили, оказалось, что в следующую ночь медведь у туши не был, а на третью ночь вновь побывал и уничтожил все мясо, оставив только голову и ноги. В 5 часов утра шесть охотников из деревни Новоселье ушли с собаками за этим медведем и легко ранили его. Так как их собаки раненого зверя не брали, они прислали ко мне охотника с просьбой приехать с выжлецом Заливаем.

После недолгих сборов я и присланный охотник едем по тряской лесной дороге к условленному месту встречи. Тележку кидает из стороны в сторону, ветки хлещут в глаза, а на душе весело. Мелкие заросли сменились крупными мохнатыми великанами-елями, под которыми прохладно в самый жаркий день.

На условленном месте ждали охотники. Без долгих разговоров решено было спустить Заливая с того места, где остальные собаки отказались преследовать зверя дальше. Спустили собаку и сами двинулись вслед в непролазную чащу мелкого ельника, перемешанную с листовными мелочами. Идем по следу, разбираемся где по крови, которую оставил раненый зверь, где по примятой траве.

Раненый зверь идет чаще, порой взбирается на стволы поваленных деревьев и продолжает путь с одного ствола на другой. На берегу лесной речки слышим громкий лай Заливая на остановившегося зверя. Бежим на этот лай. Медведь близко, но его не видно в густом малиннике. Вот, наконец, голова зверя показалась из зарослей в трех метрах. Стреляем. Рев медведя, шум засохшего малинника, лай подоспевших собак, выстрелы и крики — все слилось на несколько минут. Медведь был мертв.

Медведь оказался весом 260 килограммов. Приятно после такой охоты лечь на свежее сено и, устремив глаза в темноту, переживать прошедший счастливый охотничий день.

В СЛОБОДСКОМ РАЙОНЕ

В дождливую затянувшуюся осень 1923 года, в конце сентября, услышали мы с Александром про медведя, который «повыел» много овса около села Пантыл.

Близ села Пантыл, в самом центре овсяных полян, которые посещались медведем, мы решили подкараулить зверя. Лес кругом был небольшой, всего километра четыре в длину и полтора в ширину. Дальше протекала река Сомы. За реку медведь не перебирался и жил в этом небольшом участке леса. В правой стороне на небольшом расстоянии одна от другой было разбросано до двух десятков полей, засеянных овсом. Овес на них был сильно примят медведем. Прожорливость медведя нас тогда поразила. Местные жители уверяли нас, что тут ходит не один медведь, а много. Охотники, видевшие медведя и даже стрелявшие по нему, говорили, что медведь черный с белым брюхом.

Постоянные дожди, смывавшие следы зверя, и сильно «укатанный» овес не дали нам возможности определить, в каком месте медведь был позднее. Пришлось разложить заметки по всем полям, а самим сесть «на авось» на первые попавшие места. После трех безрезультатно проведенных ночей благодаря заметкам стало видно, что медведь посещает то одну, то другую поляну и что встретить его мы сможем только случайно. Надо было как-то отогнать медведя от этого множества полей и заставить его ходить в одно место — в овсяное поле, примыкавшее к противоположному концу леса, где караулить его было легче.

С нами была в ту пору моя гончая сука Арфа, не боявшаяся косолапых и при встрече облаивавшая их. Она была натаскана со щенячьего возраста по зайцам-белякам. Мы и решили воспользоваться Арфой, которую увели в тот конец леса, где, по нашим предположениям, жил теперь медведь, и спустились с со сворки. Лес, чередующийся с овсяными полями, привлекал к себе массу зверя и птицы: и зайцы, и тетерева тут водились в изобилии. Через три минуты собака уже, заливаясь, гнала по зайцу. В продолжение целого дня мы прошли половину леса, стараясь много стрелять. Понапрасну стрелять много не приходилось, так как тетерева взлетали перед самым носом очень часто.

Все муравейники в лесу были разрыты медведем. Его свежие и старые следы, а также кал попадались здесь на каждом шагу.

В ту ночь мы с Александром и два других охотника караулили зверя на поле, надеясь, что шумом и выстрелами медведь отогнан от полян и дневал где-нибудь около поля. Мы были уверены, что зверь не захочет голодать и выйдет на овес. Надежды наши оправдались: ночью один из сидящих с нами охотников видел и стрелял зверя, но промахнулся: пуля попала в черный стоявший неподалеку пенек.

Зверь был отогнан от полян и стрелян опять безрезультатно в поле. Оставалось одно не тронутое до сих пор место, на которое мог выйти медведь, — это круглая небольшая, засеянная овсом поляна на лесной гари. Пожар уничтожил еловую рамень, и теперь поляна эта представляла обычную для севера картину запущенного участка: поросль малинника и других кустарников тянулась к свету; соперничая с массой густого осинника и березняка, высокие красные цветы иван-чая попадались везде, довершая яркую картину смены лесных пород. Медведь, безусловно, знал и эту поляну в своих владениях, но до сих пор не трогал посеянный на ней овес.

На утро, когда мы шли осматривать овес, свежие следы зверя все время виднелись на дороге впереди нас. Овес был помят с края. Видимо, не привыкший голодать зверь сразу пошел после не причинившего ему вреда выстрела сюда.

В четыре часа пополудни мы снова были на поляне, готовые к засидке. Вслед за нами явились те же два охотника. Решено было устроиться в овсе, в самой середине поляны, так как до краев ее в любую сторону было не более тридцати шагов. Охотники устроились несколько поодаль, на одной линии с нами. Только успели улечься в овсе, как сбоку, ближе к нам, хрустнул, осек. Через мгновение уже ясно послышался характерный звук медвежьего чавканья. Из овса нам не было видно зверя, приходилось руководствоваться только слухом. Легким толчком предупредили друг друга, что пора стрелять.

Александр быстро вскочил на ноги. Встревоженный внезапным шорохом медведь повернулся к нему, подставив широкий лоб в двадцати шагах от конца стволов. Охотник направил мушку в лоб зверя и нажал на спусковой крючок. Это произошло так внезапно, что мне, тихо поднимавшемуся с земли спиной к товарищу, ничего не было видно. Вдруг до моего слуха долетает характерный звук осечки. Вскрываю и уже вижу медведя, повернувшегося спиной в тот момент, когда туловище его переваливается через осек. Слышу вторую осечку ружья Александра. Быстро стреляю два раза навскидку в перекидывающийся через осек медвежий зад. Стреляет и Александр, успевший снова поднять курок. Напуганный зверь шел по болоту; черная спина его то поднималась, то опускалась в еще не потемневшую чащу кустов... К голове прилила кровь. Мы сгорали от стыда за свою неудачу.

Мы не захотели больше оставаться в этих местах и в ту же ночь покинули деревню, ругая злополучный овес, плохой капсюль, давший две осечки, и свою неповоротливость.

Там, где кончается неудачная охота, часто начинается совершенствование охотника, но только тогда, когда из совершенной ошибки охотник извлекает урок.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 53, Орликов переулок, 3, Управление Военного Издательства.

Технический редактор Калачев С.Г.	Редактор подполковник Гулевич И.Д.	Корректор Клецкая А.Н.
ГБ2338.	Подписано к печати 3.12.51.	Изд. № 2/5092.
Формат бумаги 84x108 ¹ / ₃₂ — 1 бум. л. = 3,28 печ. л.	3,3 уч.-изд. л.	Зак. 634.
1-я типография имени С. К. Тимошенко		
Управления Военного Издательства Военного Министерства Союза ССР		